

Дмитрий Щедровицкий

Стихотворения
и поэмы

Дмитрий Щедровицкий
Стихотворения и поэмы

«Теревинф»

2015

УДК 821.161.1-1
ББК 74.100.58

Щедровицкий Д. В.

Стихотворения и поэмы / Д. В. Щедровицкий — «Теревинф»,
2015

ISBN 978-5-4212-0113-7

Дмитрий Щедровицкий – широко известный библеист, автор многотомного «Введения в Ветхий Завет», трудов по истории и философии иудаизма, христианства и ислама – и в то же время удивительный поэт неоклассического направления. Его творчество характеризуется «сгущённой» метафорикой, позволяющей передавать черты оригинального мистико-философского миро-видения, и богатством культурно-исторических ассоциаций. Стихи неоднократно получали высокую оценку критиков, включались в сборники лучших произведений отечественной поэзии, некоторые из них положены на музыку. Ему принадлежат переводы английской (Дж. Донн, Шекспир и др.), немецкой (Гейне, Рильке и др.), литовской поэзии, гимнов Кумрана, арабских и древнееврейских поэтов, персидских суфиев (книга притч Руми). Любовь и история, природа и мифология, экстаз и размышление, облекаясь в поэтическое слово, предстают в стихах Д. Щедровицкого в исконном, нерасторжимом единстве. В печатном виде книга опубликована в 2012 году издательством «Время». В книгу вошли избранные произведения многих лет.

УДК 821.161.1-1
ББК 74.100.58

ISBN 978-5-4212-0113-7

© Щедровицкий Д. В., 2015

© Теревинф, 2015

Содержание

Из разных книг	10
«Любовь моя – сад, безвозвратно...»	10
Не зная сам	12
Али	14
Осенний поезд	15
«Я – Дух, Я – Дух, Я – Пламя...»	16
«Из трёх берёз, растущих на опушке...»	17
Дом	18
Молитва	19
Из книги «Ангел соответствий»	21
История	21
Очищение	22
Черновик	23
Ученики	24
Метеоры	25
Окно	26
Армения	27
Дождь	28
Дерево	29
Пригорок	30
Отверженный	31
Пушкино	32
«Казалось бы – всегда с Луною не в ладу...»	33
Солнце	34
Европа	35
«Как самоцелью и судьбой сонат...»	36
«Всему светящему бывает...»	37
Посох	38
Exodus	39
Всеобщее	40
Мадонна Конестабиле	41
Фауст	42
Моление о чаше	43
Узнавание	44
Царственное	45
Путь к соловью	46
Триада	47
Праведник	48
Глухой	49
Мороз	50
Живущий в клёне	51
Лабиринт	52
Роберту Стивенсону	53
«Спицы лета вертятся быстрее...»	54
Н. З.	55
Ирландия	56

Из книги «Кленовый клан»	57
«Скрытой гранью глаза зрел я гурий...»	57
«И если встречаешься с деревом сонным...»	58
Мотылёк	59
«С ног сбивает, грозою разогнанный...»	60
«Во мгле заграждали чешуйчатой грудью...»	61
«Незримых, перелётных, многоногих...»	62
Стихи	63
Детское	64
Тополь	65
«...Когда судьбу его листали...»	66
«Иссохшие в упряжи солнечной...»	67
«Там бегут заката нити...»	68
«Без ветра я не вижу. Это он...»	69
«В нотных и высоких классах птичьих...»	70
Хранитель	71
«Полуночи сладка феерия...»	73
«И выходит юноша из моря...»	74
«Я был знаком с высоким стариком...»	75
Рождение	76
«И если вырваны страницы...»	77
«Их знает мой слух-птицелов...»	78
«Смирись и прими, как олива с лозой...»	79
«И эту птицу к ветке жгучей...»	80
Сознание	81
Сад	82
«И снилось мне, что каждый строил дом...»	83
«По лестнице-ели...»	84
Вавилон	85
Живое	87
«Всё, что я вижу, есть Ты...»	88
«Выздороветь от города...»	89
«И так опустошился и устал я...»	90
Сгушение	91
«В ту пору сонную, когда...»	92
Поэты	93
Варшавский цадик	94
Чтение книг	95
Поэты	96
Улица будущего	98
«Был мальчиком кудлатым...»	99
Безрассветный край	100
«Мне прежде яви открывалось...»	101
Балкон	102
Чайка	103
«В солнце птицы стреляли, как в цель...»	104
«Красота безропотна. На всём...»	105
«Сколько листьев! Сколько душ...»	106
Страх	107

Позднее	108
«Снова лампа зажжена...»	109
Дождь	110
Встреча	115
Верхний сад	117
Из книги «Осенний поезд»	119
Ночная Польша	119
Напев	121
Пригород	123
Полнолуние	124
Улица	125
Вечер в вагоне	126
«Ищет галка оттаявший грош...»	127
«В грандиозных зарослях жары...»	128
Новоспасский монастырь	129
«В огромном, начала века...»	131
Свет из окон	132
«Словно пловец, увлечён ледяною струёй...»	135
Внезапное	136
Святой Себастьян	137
«Это было незадолго перед смертью...»	138
Квартира	139
Сухие цветы	140
«Касаясь пыльной дрёмы жалом...»	142
Неизбежное	143
Моммендор	144
«Над Иоганном-немцем...»	145
«Медной застынь стеной...»	147
В парке	148
Каталог гор и морей	149
Баллада	150
Воспоминание	151
«Был воздух бездомен и колок...»	152
Скрытый город	153
Гроза	155
Заклинание	156
Призыв	157
Театр	159
«У книг в многоцветном и вольном плену...»	160
«Не Кёльна зубцы, не мечети Алеппо...»	161
Перед войной	162
«В безродный ум, закрытый наглухо...»	163
«Сложившись вдвое, птицы падали...»	164
Перед резнёй	165
Гёльдерлин	166
«Мы пришли расставанье измерить...»	167
«В широкой лодке перевозчик мёртвых...»	168
Мифы	169
«Сладко солнце видящему солнце...»	173

Сильфиды	174
«...Ещё живём. Ещё таим подробность...»	175
Выздоровление	176
Очередь	177
Больничный сад	178
В концертном зале	179
На льду	180
Церковь Мартына Исповедника	181
Монолог	182
Скворец	184
Йорик	185
Объяснение	186
Мухаммед	187
Скорая помощь	188
Полночь	189
Нищий-двойник	190
Ангел	191
Ты и я	192
«Воды, как воздух, легки...»	193
Отелло	194
Школа	195
Сын Ивана Грозного	196
Строфы в забытии	197
Добро и зло	198
Из окна	199
Письмо	200
«...Во тьме всемирного испуга...»	201
Эль Греко	202
«В песчаном подсознании роясь...»	203
«Я – живой, но и осень – живая...»	204
Братьям	205
Возвращение домой	206
«Там, над Летой, – ветряная мельница...»	207
Морской дух	208
«Ты не смотри на строфы свысока...»	209
«Тот, кто из тучи испил грозовой...»	210
«О, твой ли голос слышу я...»	211
Варлаам и Иоасаф	212
«Метель осыпает несчётной казной...»	213
Исповедь	214
Оборотень	215
Осенний сонет	217
Адам	218
«Осенний небосвод с твоих спадает плеч...»	219
Сократ	220
«И не вини, и не вмени...»	221
Гостиница	222
Эпоха Тан	224
Конец ознакомительного фрагмента.	225

Дмитрий Щедровицкий

Стихотворения и поэмы

В оформлении обложки использован рисунок автора.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации

© Дмитрий Щедровицкий, 2012

* * *

Из разных книг

«Любовь моя – сад, безвозвратно...»

Любовь моя – сад, безвозвратно
Вбегающий в осень.
Тысячекратно
Сад упования отбросил
Своих краснеющих дней.
Их стая
Кружится, в осень слетая,
И я выбегаю из сада за ней,
Но она – бесстрастно-святая...

Ангел с восточной миниатюры,
Юноша станом и ликом тюрок,
Оранжево-красно-синих
Крыльев, обширных и сильных,
Единым взмахом
Все времена обогнав,
Прекрасен и прав,
Склоняется перед Аллахом!..

Любовь моя – царь в окружение
Врагов, чей воинствен вид.
Им царь проиграл сражение,
Теперь любое движение
Смертью царю грозит.
И царь, в безнадежности нищей,
Глазами в отчаянье идола ищет –
И видит: простёрся у царских ног
Сбитый стрелой деревянный бог...

Ангел с восточной миниатюры,
Юноша станом и ликом тюрок,
Ярко-малиново-жёлтых
Крыльев своих распростёртых
Единым взмахом
Все времена обогнав,
Прекрасен и прав,
Склоняется перед Аллахом!..

Любовь моя – журавлей вереница,
И ветра водоворот,
Срывая за птицей птицу,
Скрывает в провале вод.

И надо, в горестном хоре
Блуждая меж облачных глыб,
Лететь за злобное море –
Лететь ради тех, кто погиб...

Ангел с восточной миниатюры,
Юноша станом и ликом тюрок,
Сизо-сиренево-тёмных
Крыльев своих огромных
Единым взмахом
Все времена обогнав,
Прекрасен и прав,
Склоняется перед Аллахом!..

1985

Не зная сам

Пора, мой друг, пора, покоя сердце просит...

...

Предполагаем жить – и глядь, как раз умрём...

Год 1836-й...

Когда поэт, не зная сам,
О будущем проговорится, –
В душе аира и корицы,
Шафрана аромат. Бальзам,
Пьяняще-тянувший и южный,
Кипит, питает и струится,
Неведомый Столицы выюжной
Холодным голубым глазам...

Ах, всё ли ведает душа?
Должно быть, всё. –
Покуда тело
Мелькает средь Столицы белой,
И наслаждаясь и греша, –
Душа глядит оторопело
В грядущее, едва дыша.

Душа – снежинка Божества,
На гриве мраморного льва –
Сознания Вечного частица!
Душа – неоспоримый миф!
В тебе Грядущее вместится,
Споёт, ещё не наступив,
Своё вступление хоровое...

Там, где Нева меж снежных нив, –
Бегите, бедствуйте. Вас – двое:
Ты – в лёд закованный ручей,
И спит на дне живая Нимфа,
Ей снится Вечность-без-следа...

А этот стих – ответь мне – чей?
Её иль твой? Иль в каждой рифме
Сознанием скована вода?..

Во льду – пролески и прозимки,
Лишь капельки из-под пера
Оттаивают, как слезинки,
Бегут: «Пора, мой друг, пора...»

Что за таинственный бальзам?
Не эфиопского ль провидца
В славянских жилах кровь течёт,
Когда поэт, не зная сам,
О будущем проговорится –
И смерть свою же предречёт?..

1984

Али

Со смертью Али прекратились потоки
И падали звёзды, вопя о пощаде,
Вздымались низины, померкли пророки –
И вспыхнуло небо, с землёю в разладе.

Но молвил Али о таинственном нищем,
Что явится ночью за царственным телом,
И брошен был труп на тележное днище,
И выли колёса в саду оголтелом.

Плоды опадали и лезли из кожи.
Но следом разгневанный вышел потомок,
И лошадь нагнал, и схватился за вожжи,
Взмахнув над возницей мечом средь потёмок.

И нищий откинул с чела покрывало:
Открывший лицо пролетавшей комете –
Али улыбался! И как не бывало
Ни лиц, ни времён, ни телеги, ни смерти.

1972

Осенний поезд

А когда подымается дым
После каждого слова,
И вокруг, словно смерть, недвижим
Хмурый воздух соловый,

Непослушными пальцами мысль
Не удержишь – уронишь:
О, зачем ты столетиями тонешь?
Хоть сегодня – очнись!

Если холод иглою прошел
Загустевшее сердце,
Если в небе давно – ни души,
Если некуда деться,

Кроме этой звезды земляной,
Лубяной, заскорузлой,
Если судеб не рубится узел, –
Хоть не плачь надо мной.

Мир сгущенья и таянья. Мир
Той любви неоткрытой,
Для которой и рай был не мил,
От которой защиты

Нет во тьме гробовой, и нельзя
До конца расквитаться...
У одра холодеющих станций –
Загляни мне в глаза.

1978

«Я – Дух, Я – Дух, Я – Пламя...»

Я – Дух, Я – Дух, Я – Пламя,
И Мне подобных нет:
Я высшими мирами,
Как ризою, одет!
Но Я открылся нищим,
И золотист, и тих:
Сравнить Меня им не с чем,
Иного нет у них...

1987

«Из трёх берёз, растущих на опушке...»

Из трёх берёз, растущих на опушке,
Мне средняя милей.
Нет, не вина – воды налей
И поднеси в жестяной кружке.

Дай причаститься сей земле,
Покуда день, покуда лето.
Пусть славится богиня из Милета,
А мы с тобой и так навеселе!

Из трёх дорог – трёх проводов гудящих –
Мне средний путь милей.
Живительно-зелёный, терпкий клей
По жилам струн течёт всё слаще.

Вот облака сияющий ковчежец
Домчался к нам как дар Океанид.
Пусть славится дельфийский Стреловержец,
А нас вода сильнее вина пьянит!

Стоит над нами выдох Океана
В высоком ветре эллинских времён,
Как мачтовой сосной проколотый лимон,
Сочится солнце на поляну.

Три возраста судьба на выбор предлагает,
Но средний мне милей.
Нет, не вина, воды налей:
Она не гасит – зажигает.

Забыв про цель, мир движется по кругу,
Жарой ритмической пленён.
И мы как высший дар
в сей день даны друг другу
По воле облаков, по прихоти времён!..

1990

Дом

Даже в детстве, где августа внешность
Просветлялась, неся благодать,
Я не знал, что мой дом – Бесконечность,
Я не мог, я не смел это знать.

Я-то думал, что дом мой – древесный,
От крыльца до конька мне знаком,
И Луна в него входит невестой,
Солнце входит в него женихом.

Ну а то, что ни разу их светы
Не сходились на свадебный пир,
Было разве что лишней приметой,
Сколь насмешлив забывчивый мир.

Ну а позже философы, с пеной
У пастей, мне кричали: «Дурак,
Полагайся на плотские стены,
Ведь за ними – молчанье и мрак».

Я же знал: то, что мыслит и веет
И во сне называется «мной»,
Пред палаткой из кожи имеет
Преимущество света пред тьмой.

Но и в юности, чья быстротечность
Листопадам сентябрьским сродни,
Я не знал, что мой дом – Бесконечность,
И что ею полны мои дни,

И всё то, что уже наступило,
И всё то, что ещё не сбылось, –
Балки страсти, свободы стропила –
Божьим взглядом прошиты насквозь!

1990

Молитва

О сын Иакова, ты слышал Божий зов
Не с гор пустыни, а среди лесов,
Средь клёнов-яворов российских,
Где славословят не левиты,

А стаи малых голосистых
Певцов. И свитки были свиты
Из тысяч тропок и путей,
И встреч неожиданных, и потерь.

И эти свитки развернулись
Торжественною чередой
Резных и древних сельских улиц,
Церквей, растущих над водой.

В садах, заросших и забытых,
Блуждал ты, истину ища,
А вечер, словно древний свиток,
Величье Божье возвещал.

Ты жил в России как во сне,
Среди чудес её не зная,
Что Божий голос в сей стране
Величествен, как на Синае.

Ты тайным кладезем владел,
Что утолял любую жажду,
Ты мог слышать каждый день,
Что в жизни слышат лишь однажды.

О сын Иакова, тебе являлся Бог:
Его ты всякой ночью видеть мог.

Он был в короне крон кленовых,
Был в лунный облачён подир
И светом строф, до боли новых,
На всех путях твоих светил.
Он в веру тёмных изб заснувших,
Веков дремучих и минувших
Тебя безмолвно обратил.

О сын Иакова, и ты стоишь пред Ним,
Десницею лесной взлелеян и храним.

Как лес ты вырос до ночного неба,

Как лес твоя молитва поднялась
За этот край. Ещё нигде так не был
Певуч, раскатист, внятен Божий глас,
Как здесь – в стихами дышащей России.
Проси дыханья ей. Проси и ты,
Как предки неуступчиво просили
Средь огненной и грозной темноты.

1992

Из книги «Ангел соответствий» 1968–1973

История

Затихли затменья, знамения, конницы –
Слепые наплывы тяжёлой болезни.
И люди старались очнуться, опомниться,
Проснулись, узнали друг друга у бездны.

Им снились дороги России, Ассирии,
Сраженья у Тигра, Днепра и Арагвы.
Но дети ползли мимо сада красивого,
Тянулись века – от малины к оврагу.

Проснулись – не знали: им близко ли, чуждо ли,
Глядели вокруг, пробуждению рады.
Проснулись – не знали, страна ли, лачуга ли:
Во сне у оврага им годы почудились,
История шла – от малины к оврагу.

1969

Очищение

Всё мирозданье рвётся выздороветь,
И в первобытной темноте
Гроза вычерчивает изгородь,
Дрожит скворечник на шесте...

Деревья вновь живыми сделаны
За час древнейшего труда.
На дне канавы, в новой зелени –
Последние пластинки льда.

Содом, грозой сметённый начисто,
Жук выползает, словно Лот:
Там, за листом клубничным, прячутся
Развалины – лечебный лёд.

1970

Черновик

...Как в клетке лев взывает о саванне,
Так слово в строчке поднимает вой
По силе стихотворства Твоего –
Ты сотворил Вселенную словами,

И, уничтожив первый черновик
Неудовлетворения волною,
Ты сохранил оттуда, вместе с Ноем,
По паре прочих выдумок живых...

Заметив смерчи в форме непарадной,
Ты можешь просто авторской рукой
Тетрадь пространства пролистать обратно,
И зачеркнуть, и вставить над строкой...

1970

Ученики

Нас опускают, словно ложку в мёд,
В сей бранный мир. Что на душу успело
Налипнуть, то и образует плоть –
И к старости стекает постепенно.

А раньше одного ведут учиться:
Должно же было этак повезти –
Родиться чистым! А другой, нечистый,
По прутьям клетки изучает числа,
Медовой нитью хобот опустив.

Вот так и слон на свете получился.

1971

Метеоры

Во сне встаю – и отхожу Иудой
От этой жизни – трапезы с Тобой.
Тесню кусты, как фарисей слепой,
И свет в дому и взгляд идут на убыль,
Восходят на ночные небеса,
Благословляют сквозь пресветлый ропот,
В благоговении живущий сад
И останавливает, и торопит,

И зрю я звёзд размеренный распад...

1971

Окно

Безнадёжнейший дождь.
Это даже, пожалуй, не дождь –
Только память о прежних дождях,
Многих, виденных мною отсюда.
Вынимаешь без лишнего шума –
И, стёрши пылинки, кладёшь
Предо мной этот старый рисунок –
И ходишь, художник-рассудок,

Ничего не придумав иного –
Только листик в ведре,
Прискакавший откуда-то лучик,
Что ищет ушедших,
Этот дождь безнадёжный,
Движение лип на дворе –
И рыданья внизу,
Что затишьем коснутся ушей их.

1971

Армения

В винограднике влажном изрядно вспотели –
И уже разошлись. Лишь один не ушёл:
«Остаёмся ли гнить с нашим немощным телом?
Улетаем ли вдаль с нашей вечной душой?»

А мудрец, выжимая толстейшие гроздья,
Попросил: «Языком пару ягод сдави!
Ты пытался узнать, как устроены звёзды?
Раскуси, как устроены зубы твои!»

1971

Дождь

Едва земля от слёз просохла,
На Пасху вспомнив про покойников,
В домах и в небе моют стёкла,
И грязь стекает с подоконников.

И небо смазано раствором
Неспешных туч – озёр несбывшихся.
Оно промоется не скоро,
Но после слёз легко задышится.

1971

Дерево

Открытый мозг – зелёный вместо серого,
Тайник монет, сиянье нефти –
Само себе противоречит дерево,
Друг дружку избивают ветви.

В больной, не убегаящей воде его –
Весь ужас наш, живой и кожный.
Нет ничего торжественнее дерева,
Наряднее его, тревожней.

1971

Пригорок

Подрезанное дерево – диковинный светильник,
Берёзы – только вышиты, судьба – совсем с иголки.
Лесные звёзды спрятаны в суставах клёна тыльных,
И светятся раскрытые ворота на пригорке.

Несложный выкрик скрытых птиц по рошицам рассован,
В глотанье глины – голоса разломанной недели,
Из глуби запаха болот – из кислого, косого –
Зовут белёсо. Не поймёшь – ликуют ли, в беде ли.

И ветер выросший поёт, взобравшийся на клирос,
В воде сияют под травой невиданные лики.
Расстелем плащ, разломим хлеб, посетуем на сырость:
Идти придётся до утра – темно стучать в калитки.

1972

Отверженный

Меня поймать решили,
А я уже не здесь.
Я вижу руки Шивы,
В них – стрелы, меч и месть.
Я помню, как он вырос
Из запаха цветка...
Мой прах огонь не выдаст,
А пепел съест река.

1972

Пушкино

Кожа груш – песочная на зуб,
О своём задумался лоточник,
И Всевышний прячет стрекозу
И не прячет – прямо на листочке.

Шестилетний мальчик, в этот миг –
От незрелой будущности влажной
Небольшой кусочек отломи
И прожуй. Тебе ещё не страшно.

Лишь лоток закроют на учёт,
Лист махнёт – и стрекозу отпустит, –
И пройдёт разросшийся зрачок
В переспелый жёлтый сок предчувствий.

1972

«Казалось бы – всегда с Луною не в ладу...»

Казалось бы – всегда с Луною не в ладу,
А лучше – с яблоком садовым.
Но косточки горчат, и движется наш дух
Меж влажным и медовым.

Но капли входят в пар, и льётся молоко
Среди созвездий убелённых.
И птицы устают от белых облаков –
И прячутся в зелёных.

1972

Солнце

Священное зёрнышко ржи,
Для звёзд оно тоненько светится
И яблоком диким лежит
Под лапой Небесной Медведицы.

Из разных углов и времён,
Ступая по спаянным лезвиям,
Сверкает старинный Амон,
Разбросан по разным созвездиям.

И тот, кто просторы вскормил
С немymi, святыми, тиранами,
Сокровище – весь этот мир –
Играет горящими гранями.

1972

Европа

И смирение, и тягостный стон, словно кто-то
Обманул: обещал – и не дал.
И столетья постятся в пустынях Востока,
И пасутся худые стада.

В истощенье застыли Креститель и плотник,
Райским благом желтеет вода,
И волхвы голодают, и ангел бесплотный
Поглощает бесхлебную даль.

.....

...Дичью пахнет и старым вином с гобелена –
И под ангелом лес и руда,
И голландские сёла лежат разговленьем,
И готические города.

Он метнулся к игле над скелетом собора,
И в игольные уши прошёл,
И со всеми святыми, крылат и оборван,
Помолился за племя обжор.

1972

«Как самоцелью и судьбой сонат...»

Как самоцелью и судьбой сонат,
Как в сон глубокий,
Сквозные зданья снежные звенят
На солнцепёке.

Преображённый переходит в боль –
И виден лучше,
Когда так сладко редок лист любой
В осенней гуще.
И в небольшие эти города
Уйду на треть я,
Неразличимый от кусочков льда,
От междометья...

1972

«Всему светящему бывает...»

Всему светящему бывает
От воплощенья тяжело,
Тогда на слово уповает
Обледеневшее стекло:

Кто оглянулся, сном уколот,
И как по пальцам перечтёт –
Сверканье, подлелевший холод
И в солнце листьев переход?..

1972

Посох

1

...Кому угрызенья зима задаёт,
Рождая ледовый фундамент,
Садами застывшими давит и бьёт,
Подземными реками давит?

Буря расцветает, он ясень несёт
Поставить над всеми другими.
Какое название нисходит с высот
Забывшему прежнее имя?

Посеяв мечты о далёкой стране,
Кто в странствиях дивных остался,
Чей посох усталый расцвёл в тишине
В дали Киликийского Тарса?..

2

...Так душа зимой внезапной,
Облизав кору шершаво,
Охватив ветвями запад,
Поворот луча решала.

Посох – трубка мёртвой крови,
К жизни зимнее введение –
От Ствола всего живого
Принимает дар цветенья.

И рубахой духа, лавой
Ветер в мысли сохранится –
На извилистых заглавьях
Богом созданной страницы.

1972

Exodus

Над умами, полными товара,
Над душой, площадной со стыда,
Городов холмистая тиара,
Непобитый козырь – Амстердам.

И один среди двухсот владельцев
Дыр в холмах и лучших в море мест
Жаждет в небо бурое вглядеться –
И узреть из туч проросший перст.

1972

Всеобщее

Безмолвно чистит перья пеликан,
Над ним звезда разверзлась крестной раной,
И в пустоте тихоня-океан
Ласкает обездоленные страны.

Волна уходит в ясный плач – с людьми
Страдать ребёнком, девушкой, старухой...
Прости меня, о Небо! Протяни
Сверканьем снов унизанную руку.

1973

Мадонна Конестабиле

Мой мимолётный разум, не печалься,
Давай водой озёрною вздохнём –
Благоуханный примет в нас участие,
И станет легче с мыслями о нём.

Он пахнет мглой, не связанный делами,
Из книги жизни знает пару строк,
И над большими белыми полями
Летает, огибая корешок,

И карточкой с визитным крапом оспы,
Чернильных птичек одевая в плоть,
Навстречу всем, кто не родился вовсе,
Скользит за просветлённый переплёт.

1973

Фауст

Тревога хвойных слухов –
Мой мир передвижной –
Толпа незваных звуков
Над замкнутой волной.
Реестром звёзд несметных
Сазан, мой брат хмельной,
Сверкает в бездне смертной
Чешуйчатой спиной.

1973

Моление о чаше

Ночь содрогнулась приближеньем боли,
Плоды пространства страхом налиты,
Звёзд оскуденье слышимо сквозь голый
И зримый голос пустоты.

Толпой созвездий густо замирая
У входа в суженный зрачок,
Отягощённый свет вызывает: «Равви!
Я в этой тьме – один, как светлячок».

1973

Узнавание

Кого ты встретил,
Кого ты видел возле грушевой горы,
Кто с нами третий,
Кто двери лета затворённые открыл,

Кому все эти
Дубы и клёны многоярусной игры,
Кто чище смерти
Оделся в тогу аистиных сладких крыл?..

1973

Царственное

К небосводу багрового гнева
Обратился приземистый лик:
За окном собирались деревья,
Я поклоном приветствовал их.

– Что нам делать, стропила вселенной,
Колоколенок птичьих столбы,
Коль в подлунном наследном именье
Мы – клеймённые страхом рабы?

– Препояшемся бранной листвою
И на пилы пойдём напролом,
Если Тёмный воссядет главою
За медовым гудящим столом.

Нам известны хоромы и клетки,
Мы в любое глядели окно.
Лишь молчавшим в течение столетий
На Суде будет слово дано.

1973

Путь к соловью

Прикинется тихим – но слышен задолго,
Тропа предваряет, готовит луна,
И следуют ели, и песней-иголкой
Касаются сумерек влажного дна.

И шаткий рассудок, отомкнутый бедам,
И проза с незрячим её колесом
Покажутся только немислимым бегом,
Мгновенной погоней, забыв обо всём, –

За ящиком судеб лесного солиста,
Где вёрсты зашиты, персты смещены,
Где замертво свёрнутый в шишке слоистой
Безоблачный возраст смолистой сосны.

1973

Триада

Я слово во тьме, словно птичку, ловлю –
Что может быть лучше пути к соловью?

Оставь голоса – недалёк твой закат.
Ты знал, как отдельные звуки звучат.

Он всё обращает пред музыкой в прах –
И с ней пребывает в обоих мирах.

1973

Праведник

Записывай: истрёпанные травы
В посте и созерцанье пожелтели,
И дуб, темноволосый, многоглавый,
Качается в молитве листвотелой...

Прости, но я неправильно диктую –
Шумели мысли, медленно стихая:
Я вписан в книгу, гневом налитую,
Я сам, молясь, смолою истекаю...

1973

Глухой

– Для чего ты звенишь, шелестишь,
Дал истоки звучаниям разным,
Разве ты соловей или чиж,
Что тревожишь нас голосом праздным?

– Что мне делать? При жизни со мной
Говорили лишь стоном и рёвом,
И пред самой кончиной, весной,
Только клён перекинулся словом.

1973

Мороз

Название позабыл. Мне кажется, оно
И раньше редко так произносилось,
А нынче вовсе ветром сметено,
В минуту вьюги в память не просилось –
Осталось корку бросить за окно...
...Простите, не мертво оно. Скорей,
Застыло где-то. Зимами другими
Дышать ему пришлось...
Я вспомнил: это – имя.
Оно черствело льдинкой средь скорбей
И было больше пламени любимо.

1973

Живущий в клёне

Почуявший скачки словесной лани,
Не медли, напрягая мысли лук,
Не оглянись, благословенья длани
С охотой возложив на лёгкий плуг. –
Он понимал, что говорят вокруг.

Склонившись над душой, расцветшей втайне,
Над чашей ароматов и заслуг,
Не зная речи, в сумерках желаний
Вкусивший от тепла воздетых рук, –
Он понимал, что говорят вокруг.

Скользят не по дороге лета сани,
Зимою колесницы слышен стук.
Над ним и в нём, концом его исканий,
Ствол вечности с дуплом избытых мук. –
Он понимал, что говорят вокруг.

1973

Лабиринт

И звук свирели с нивы непочатой,
Исполнен лепета птенцов,
Слетел с высот – и веки запечатал,
И усмехается в лицо.

Но иллирийцы напрягают луки,
Опутан нитью остров Крит,
И не пойму: то крылья или руки,
И не хочу глаза открыть.

1973

Роберту Стивенсону

Стучат настойчиво. Дверь отвечает
Таким же стучащим: «Кто?» –
И в чашке качается, вместо чая,
Из книги сухой цветок.

Мой дом встревожен. С обложкой белой
Возилась ключница час.
Все только спали. Все живы, целы,
Зевают окна, лучась.

Узнай себя в этом старом рае,
В негромком особняке,
С погасшим садом душой играя
И с веточкой лет в руке.

1973

«Спицы лета вертятся быстрее...»

Спицы лета вертятся быстрее,
Но и в них целую гром и шорох –
Мудрый город, круглый год кудрей,
Чёрною росой орошённых.

Окунаешь в пену и смолу
Локон золотеющий, летящий,
Наполняешь полднем лёгкий луг,
Жёлтым соком – жаждущие чаши.

Раствори мне губы в этот час,
И ворота неба, и бутоны:
В голубые гимны облачась,
Седину светил губами трону!

1973

Н. З.

Ты ли, под ливнем презренья намокший,
Прячущий птицу о нас под плащом,
С неба ниспавший и скоро умолкший, –
Ты ль, как реченье, устам возвращён?

Ты ль изъяснишь нам природу заката,
Ты ль, онемев, повествуешь о днях –
В них полевые крылатые сваты
Песней сестре огласили дубняк?

Жертвенной башней стояла разруха,
Землю заклали, и падала соль –
Соединялись опавшие руки
Смерти и радости в мысли лесной.

1973

Ирландия

Ты – болот и трясин колонист –
Пренебрёг водопадом гортанным:
Рукавом от чудес заслонись,
Ослеплённый ирландским преданьем –

Как оделись в печаль догола
И тела их олени, и лица,
Как из лука выходит стрела,
Будто слово из уст прозорливца,

Как зелёный пронзён средь полей,
Как в огонь увлекает багровый,
Как настигнутый синий олень
Закрывает надмирную кровлю,

О зверье застывающих чаш
Возвещая серебряным горном,
Расстилая светящийся плащ
В дольном мире – и в Имени горнем.

1973

**Из книги «Кленовый клан»
1974–1976**

«Сокрытой гранью глаза зрел я гурий...»

Сокрытой гранью глаза зрел я гурий.
Тот сад – вне мира, ибо в скорлупе
Любая часть захвачена орехом.
И жаркие слова, подобно рекам,
Стекались к ним, когда отшельник пел.
Их слушали, безмолвно брови хмуря.

1974

«И если встречаешься с деревом сонным...»

И если встречаешься с деревом сонным,
Желая к заре пробужденья ему, –
Оно, не ответив, как воинством конным,
Умчится листвою в безвозмездную тьму.

И часто, событием скользя плоскодонным
По водам забывчивым скраденных стран,
Сухой донесётся до берега гомон –
Покровом дороге и в пищу кострам.

Его собираем на память, но кто нам
Легчайших частиц распахнёт естество?
А он, истолчённый, рассыплется звоном
И стоном – и больше в нём нет ничего...

1974

Мотылёк

О, не летавший вовсе не жил,
И ждёт бурлящая смола
Иль холод ждёт его. Но где же
Душа осуждена была
Летающая? Даже реже,
Чем в глаз вонзается игла,
Случится то, что с Силой Зла
Произошло.

Недвижны межи
Меж тварью, что во тьме ползла, –
И той, что дни считала те же,
Раскинутые веси нежа
Под перекладиной крыла:
Такая, лишь смежила вежды –
Из тьмы в нетленье перешла.

Простором медленного взлёта
И ты, погибший, одарён:
Тебя носил счастливый сон
Из края в край, в ночах без счёта,
И обо всём земном заботы
Ты оставлял внизу, лишён
Телесной тягостной дремоты.

Но был убит однажды кто-то
Тобой, и жил на свете он
Лишь день. Ты вышел на охоту,
Бежал и медлил, ослеплён
Той полнотой ожившей ноты,
Тем бытиём двойного счёта,
Каким убийца наделён...

Бессрочно, как подруга Лота,
К вине солёной пригвождён, –
Как склеп под слоём позолоты,
Ты канешь в тёмный Аваддон!..

1974

«С ног сбивает, грозой разогнанный...»

С ног сбивает, грозой разогнанный,
Лучших снов услаждающий гул.
Даже вылететь шумными окнами,
Даже с тучей влететь – не могу.

Но какие фигуры выделявал
Сумасбродно танцующий гром...
Скрой меня, непостижное дерево,
Под обманным зелёным крылом!

1974

«Во мгле заграждали чешуйчатой грудью...»

Во мгле заграждали чешуйчатой грудью,
Встречались зимою – и было теплей,
Мостами легли, берегли перепутья,
Ловили с обрыва, скрывали в дупле.

И слух, оглушённый первичной виною,
Очистился жертвой раскинутых рук
Великих деревьев, увиденных мною
В садах городских, и во сне, и в жару.

Приблнжу к губам умолкающим палец –
И слышу, как бодрствует в мире ветла,
В молчанье зеркальной горой рассыпаясь
И Бога святя в сердцевине ствола.

1974

«Незримых, перелётных, многоногих...»

Незримых, перелётных, многоногих,
И кротких, и тоскующих по мне,
Намеченных в бесчисленных прологах
К незавершённой веренице дней –

Существ, сонаблюдающих со мною,
Душе моей соседство всё слышней,
В нас сад – единой мыслию сквозною –
Как предречение листьев в глубине

Его ствола, в таящей сердцевине. –
Да не погибнет по моей вине
Никто из тех, чьим зреньем сад раздвинут
И чьи зрачки – дворцы его теней.

1974

Стихи

– Зачем бегут в чужие страны
Из тёплой памяти жилой?
– В её ворота гроздью пьяной
Природа смотрит тяжело –

И шепчет: «Я тебя разрушу,
Но сохраню твои слова». –
И им не терпится наружу,
Туда, где речь всегда жива.

1974

Детское

– Полосатый, застывший в полёте,
Золотой и усатый страж,
Разрешите спросить: что несёте?
Где медовый владыка ваш?
Что за нитки в накидке бальной
У одной из жужжащих дам?

– Это тайна. А вы, случайно,
Не из вражеских ульев к нам?

1974

Тополь

...Ты пас, ходя в хитоне выцветшем,
Туман, и облако, и дым.
Когда же флаг восстанья вывешен
Над горизонтом крепостным,

И над ступающими ливнями
Сад, вовлечённый в торжество, —
Не хижина, но залы длинные
Колонн, лепнины дождевой, —

Уж ты изгнанником не кажешься:
Тебя на трон вернул мятеж,
И ты царишь в зелёной тяжести
Своих наследственных одежд.

1974

«...Когда судьбу его листали...»

...Когда судьбу его листали –
Как лист, он в осень был внесён.
Его одели в горностаи,
И в багряницу, и в виссон.

Там выступать ему велели
Надменным шагом короля,
Там успокаивали ели,
Ветвями плавно шевеля.

Там жёлтой завистью болели
Среди пылающей хвалы,
Там титульные листья тлели
И родословные стволы.

Но цел ещё средь кружев рваных
Закатной гордости рубин.
И он здесь – первый среди равных
И зритель гибельных глубин.

1974

«Иссохшие в упряжи солнечной...»

Иссохшие в упряжи солнечной,
С дороги уставшие росной –
Зрачки, распряжённые полночью,
Притягивал ствол венценосный.

И, каждым натянутым волосом
Участвуя в пении чисел,
Луну поднимала над возгласом
Древесная царственность выси.

То милует ночь, то горчит она
И тянет пыльцою болотной.
Ты слышал, как иглы сосчитаны
И судьбы подогнаны плотно.

1974

«Там бегут заката нити...»

Там бегут заката нити –
Красный облачный клубок,
Там в незнание и наитье
Чуток сон и неглубок.

Там в прихожей мироздания
Рано память не спала –
Пережито всё заранее
И оплакано сполна.

Там про будущее шепчут,
И багульник на лугу –
Я вослед звезде сошедшей
По поляне побегу.

1974

«Без ветра я не вижу. Это он...»

Без ветра я не вижу. Это он
Несёт навстречу полдень и размеры –
Всех ароматов тайный эталон,
Рождающий в невидимое веру.

Едва к незримой скважине прильну,
Я слышу: он, подобно пьющей лани,
Подталкивает мелкую волну
Из глубины в каналы обонянья.

Фигуры возникают к сентябрю
Избытых судеб – поредевшей бронзы,
И я на них сквозь изгородь смотрю,
Особенно – когда темно и поздно.

1974

«В нотных и высоких классах птичьих...»

В нотных и высоких классах птичьих
По опавшим и плывущим дням
Удивлённых учат безразличью
Облака, к безумию клоня.

Ветер – неуёмный сборщик дани –
Обегает сеть начальных школ.
У калитки ждёт похолоданье
И уводит в прошлое пешком.

Всё, что летом вслушаться мешает
И по зренью бьёт, как футболист, –
Отлетает, как настольный шарик,
Этикетка и осенний лист.

1974

Хранитель *Из цикла*

[1]

Острые иглы составили нежную хвою,
Полдни опали, и памяти мягко пройти.
В этой дороге за всё воздаётся с лихвою,
Выбери цель, а иначе недвижим твой тир.

Выбери образ, чтоб ожил и двигался долго,
Лишь не разбей скорлупу ледяную стрельбой, –
Пусть он глядит, словно волк из глубокого лога,
Пусть, словно коршун, висит высоко над тобой.

Много за лето настрижено в гнездах стрижиных
Птичьего пуха. Теперь снизойдёт на меня
Шестиконечное благословенье снежинок,
Благословение дивного Божьего дня.

1974

[2] Одиссей

Мне мысли жёг, томил мне жилы страх –
С бесформенной стихией породниться,
Но я повис над морем на руках –
И пробужденье было, как зарница.

Ты яви светлой в чашу мне долей,
А вы цветами ложе уберите:
Покуда день взошёл – я одолел
Седьмую часть блужданий в лабиринте.

1974

[3] Сон

Ещё я сам не испытал,
Лишь слышал, как другие...
Но нарастала высота,
Гремела литургия,

И дух, безбрежно воспарив,
Летя сильнее и дальше,
Верша безудержный порыв, –
Насторожился вдруг, открыв
В звучанье ноту фальши,
Но поздно: сумрак – и обрыв...

1974

[4]

Напоите её мускатным вином,
Умастите её мускатом.
И сокroyте её под песчаным дном,
В той реке за холмом покатым.

Слишком бурно бил сок из стволов молодых,
На коре было много знаков,
И невиданно зрели в тот год плоды,
Напоив её – и оплавав.

1974

«Полуночи сладка феерия...»

Полуночи сладка феерия,
Но в ней болотные огни:
Не покидай меня в безверии,
В топь золотую не гони,
Но клятвой зреющей свяжи меня,
И удержи, и заверни
В заветы роз нерасторжимые,
В бутонные льняные дни.

1974

«И выходит юноша из моря...»

И выходит юноша из моря –
Он едва дорогу отыскал,
И в зрачки – в чернеющие норы –
Возвратилась смертная тоска.

Утвердись на суше, всадник пеший,
Потерявший пенного коня.
Ты – морской, но я тебя утешу,
Брат мой, отлучённый от меня.

Из Руки, вовеки совершенной,
Примешь снова черепаший лук...
Созревая в пропасти душевной,
Сладко слово, сказанное вслух.

1974

«Я был знаком с высоким стариком...»

Я был знаком с высоким стариком.
Он говорил: «Встречаешься со всеми –
И ничего не знаешь ни о ком:
Одни сошли с ума, другие немые.

И только раз, очнувшись ото сна,
Я удержал далёкие раскаты
Дней, проведённых с нею... Ведь она
Была подруга осени покатой –

Моих недавних лучезарных дней,
От нош ночных ещё не одряхлевших.
Мы собирали травы вместе с ней,
В кустах и в людях узнавая леших.

Она учила, как варить настой,
Чтоб шёл январь, а кровь не замерзала,
Она была морщинистой, простой,
И о себе ни слова не сказала.

И вот она приснилась мне теперь,
Кивала мне, и пела мне средь света,
И открывала облачную дверь,
И возвращалась в огненное лето.

В тот самый день она и умерла...
А то с одним встречаюсь на бульваре,
А у него из плеч – два топора,
И толпы обезглавленных кивали –

Так снилось мне... Растишь и катишь ком
Знакомств на этом ледяном обеде –
И ничего не знаешь ни о ком.
Не помнишь даже, как зовут соседей».

1975

Рождение

1

Пребыть в Твоей целости,
Духом вместившей
Сияющей смелости
Крик и затишье, –

Чтоб, мысленным волосом
За тьму зацепившись,
Меж смертью и голосом
Не пасть, оступившись.

2

Прославляют Херувимы Его,
В твёрдой воле духом нежась.
Как легко нести Незримого
И Родившего всю тяжесть!..

3

Дрожь пред Лицом, голубиный трепет,
И на крыле уносит слова
Тот, Кто подвижные гнёзда лепит,
Но умещается в них едва,
Кто, словно сладостный воздух, выпит,
Слился с душою в слезах, в крови...

1975

«И если вырваны страницы...»

И если вырваны страницы
Из древней красочной Псалтири,
Вовек никто не усомнится,
Что царь Давид играл на лире,

Вернее – на библейской арфе,
Но лира – символ вдохновенья.
Плетётся ветер в старом шарфе,
Лиловом от ночного тренья
И ставшем гроздьями сирени.

Он кашляет, закутав горло,
Едва ступает на прохладе,
То рассыпается прогоркло,
То снова собран, жизни ради,
Как слёзы стынут на тетради.

Итак, никто не усомнится,
Что лучшим в мире был художник,
Хотя закапаны страницы,
Заглавные заснули птицы
И надписей не стало должных.

И по оставшимся деревьям
Я очертанья рук живые
Угадываю, чтобы с левым
Не путать правое, с припевом:
«Так жили люди Ниневии...» –
И чтобы дни сторожевые
Прошли, не опаляя гневом.

Иначе шаг ко мне направят
Суду покорные микробы,
И духи поднебесной злобы
Клеймо непоправимой пробы
На серебре моём поставят.

1975

«Их знает мой слух-птицелов...»

Их знает мой слух-птицелов –
Не песни отдельных созданий,
Но души пятнистых стволов
И музыку радуги дальней.

Приняв от незримых щедрот,
Она, словно хлеб, поделилась, –
И чистое множество нот
По кельям лесов расселилось.

Пытаюсь отдельно поймать,
Для каждой силки расставляю,
Но в небе сложились опять –
И светятся, не опаляя.

1975

«Смирись и прими, как олива с лозой...»

Смирись и прими, как олива с лозой,
Замкнувшись, смиряются перед грозой.

Воздевшие руки, стоят деревья –
Отчизны соцветий, громов торжества.

И сад уповает – и тысячью ртов
Согласен цвести и увянуть готов.

Он знает. Твоё же призванье – молчать
И в люльке сознания секунды качать...

1975

«И эту птицу к ветке жгучей...»

И эту птицу к ветке жгучей
Притянет сад –
Я понял это много лучше,
Чем век назад.

Тогда от молний ложной вести
Я принял гром,
Что смысл – во всех растениях вместе,
А не в любом

Стволе, и корне, и соцветье.
Но сны сошлись –
И стал виновен я в навете
На каждый лист,

И взором юного астролога
К стеблям приник,
Когда слышал: «Стань надолго
Одним из них».

И я спускался. Было скользко
Среди червонных гнёзд –
И их стада встречало войско
Подземных звёзд.

Я слышал: буква убивает...
А вот – она
И под землёй растёт, живая,
Любви полна.

1975

Сознание

Там, внутри, плодоягодный жар, и не глуше,
Чем во внешнем саду, пробиваются дни.
Только зренье, как нищий, ночует снаружи,
И ему наливные стволы не видны.

Там раздумья, средь сумрака снов хорошея,
Капли памяти пьют, чьи черны черенки.
Кто же зренье, как странника, выгнал взащеи,
Чтоб его вместо крыльев несли сквозняки?

Пламенея, всмотрись сквозь глухие ворота –
И заметь управителя злого следы:
Там, скрывая лицо, меж дорожками кто-то
Топчет сад, пилит сосны, срывает плоды.

Сколько летних недель он удерживал с визгом
Пересветы зениц на краю пустыря!
Но синицы слетаются, если он изгнан,
И в зрачки не вечерняя глянет заря.

1975

Сад

Каким он был,
Когда судьбы
Прекрасный ливень
Живил и бил –
И зимние отверз гробы
И почкам, и цветам счастливым!..
Каким он стал,
Когда уста
Истаяли в сожжённых криках
В чертогах яблонь ясноликих,
И в тех местах,
Необитаемых и диких,
Где даже страх
Получит рану или вывих, –
Он весь в улитках, как в живых уликах,
У безвоздушных плах!..

1975

«И снилось мне, что каждый строил дом...»

И снилось мне, что каждый строил дом –
И, возведя, селился в нём навечно:
В норе подземной делался кротом,
Иль возносился, Путь построив Млечный,

Иль, вырыв русло, делался рекой, –
Что начал, то заканчивал без риска.
А я ушёл настолько далеко,
Что стал бездомным, возвратившись близко.

1975

«По лестнице-ели...»

По лестнице-ели,
Минуя за ярусом ярус,
То в вихре, то в теле,
То в радость впадая, то в ярость, –

До облака-блика,
До стога, до рога оления,
До цели великой –
До полного отождествления...

1975

Вавилон

Жильцы бульвара, в летнем истощенье,
Стенали – от корней и до вершин.
Асфальт, в рекламном красном освещенье,
Кишел, гудя, нарывами машин.

И размышленья, как елей на раны,
Несомые целительным дождём,
Являлись тихо, как воспоминанья
Того, кто на недвижность осуждён.

И по больному городскому телу
Он к центру шёл, где фары в полутьме
Сновали в страхе, потеряв пределы,
Как мысли в обезумевшем уме.

Он шёл и думал: «Стоит ли стараться?
Влюбляйся в город, бойся и спеши –
Но после трёх тяжёлых операций
Лишишься лёгких, сердца и души.

Иль на попанье создан я и на смех,
Иль только кожа – щит мой и броня,
Чтоб скальпель пляской рассечений властных
За гранью дней ощупывал меня?

Нет, преданный некровым этим узам,
Я тихий свет предвижу впереди, –
Осмотрен всеми и никем не узнан,
Я в лучший мир готовлюсь перейти...»

Был город жив – без слова и без жеста,
Одним накалом бьющихся огней...
«О Ты, навек оставивший блаженство
Для боли крестной! Снизойди ко мне.

Я по любви тоскую в веке тёмном,
А Ты на смерть сошёл с крутых высот.
Услышь того, кто в городе бездомном,
Тебя не зная, лишь Тобой живёт!

В рогах драконьих, в камне гордых башен,
Ряды окон – лукавые уста...
Я не от мира: он мне чужд и страшен.
Я в детстве слышал о любви Христа...»

И вдруг, среди сверкания и жути,
Взбурлили воды в чаше восковой –
И он узрел пути и перепутья,
Увидел узел жизни вековой,

И, просиявши на заглохших тропах,
Взыграла речь невиданных зарниц:
Он слушал Свет – и тайны смертных сроков
Читал в раскрытых книгах встречных лиц.

В леса скорбей, в кустарник сердца дикий
Вошла любовь – и дымом вышел страх:
Он слушал Свет – и пел хвалу Владыке
На незнакомых миру языках.

1975

Живое

Светляки затерялись в потёмках,
Но и ночь не погасит никак
Этих мыслей, зажжённых на тонких
И жестоко живых фитильках.

Я их видел. До времени скрыто
За печатью звезды от меня,
Сквозь какое просеяны сито
Эти падшие дети огня:

Бьются волны, скалу прорывая,
И в теснинах застывшей земли
Бьётся плазма, безумно-живая,
Чтобы мы ещё плакать могли.

1975

«Всё, что я вижу, есть Ты...»

Всё, что я вижу, есть Ты.
Но когда устаёт моё зрение
Ткать – из ночей лучевых –
Жизни бескрайней лицо, –
Пёстро в зрачках, и сады
Вижу. На них Ты распался,
Чтобы тем ближе сиял
Образ Твой прежний во мне.
Вновь собираю – и вот
Лик в забыты созерцаю...

1975

«Выздороветь от города...»

Выздороветь от города
Хочет стеснённый клён,
Как из перины вспоротой –
Пухом надежд ослеплён.

Вылечиться от мнимости
Жаждет сырая мгла,
Чтобы вкусить в немилости
Скорбь и людские дела.

Птица взлетит, проклюнувши
Мёртвых зрачков кору,
Воздух печальным юношей
Станет опять поутру.

Только один из выживших
Рад про себя вполне,
Нет занавесок выцветших
Только в одном окне:

Улочкой ходит узенькой
Средь городских утех
Он – собеседник музыки,
Самый больной из всех.

1975

«И так опустошился и устал я...»

Е. С.

И так опустошился и устал я,
Что в лёд готовлюсь обратиться талый,
И краски мира смешаны почти.
Уже рисуют город этой смесью,
В его безличье потеряюсь весь я,
Но ты письмо с любовью перечти.

И посети места, где был наш грешный
Чередовался с тучей и скворешней,
Где небо ты показывала мне,
И где, рассветным увлечён рассказом,
Срывал плоды бессмертья краткий разум –
И храм провидел в хаосе камней...

Тебе в глаза пусть краски бьют ключами,
С твоими многоцветными ночами
Мощённые безмолвием поля
По милости небес – да разминутся...
Прочла? Так не замедли улыбнуться:
Пока писал, вдруг выздоровел я.

1975

Сгущенье

Даже сны без видений – гуще,
Чем октябрьский воздух гор,
Возвещающий и дающий
Мудрость – ветру, уму – простор.

Но его соберут морозы,
Как букет предрассветных астр,
И сгустятся в душе вопросы,
Превратив её в алебастр.

И – хрустальной свободы линза –
Этот воздух, зимой дарим,
Будет пристальным зреньем признан,
Созерцаем, как царь долин.

И покроет любые сани,
И заслонит любую щель. –
Овевавший лицо, он встанет
Цитаделью вокруг вещей.

1975

«В ту пору сонную, когда...»

В ту пору сонную, когда
Молчанье – это точка зренья, –
Листа над пропастью паренье
И нежилые города –

Собратья речи. А за нею,
При каждом слоге на посту,
Стоит, от крови сатанея,
Заворожённых дней пастух.

1975

Поэты

Я увидел – в разных странах
На бинтах бумаги – перья,
Как пинцеты в чистых ранах,
А слова, являясь, пели –
Альт, и тенор, и сопрано –
В кабинете, в зале, в келье.

Я увидел, как, раскинув
Сотни пальцев музыкальных
По больной клавиатуре,
Свет лечил друзей опальных –
И, сойдя, лежал на спинах,
На ковре, соломе, стуле...

1975

Варшавский цадик

На самой дальней из окраин,
Где год великим шёл постом
И мор садился как хозяин
При редкой трапезе за стол,

Служил у мельника Иосиф.
Порой, мешок с мукою сбросив
Средь поля с неокрепших плеч,
В страданиях слуха не утратив,
Он видел ангелов-собратьев
И слышал сбивчивую речь:

«Поют, скрипя, дверные петли,
Светильник полдня не погас,
Ступай за нами – и не медли
От смерти спрятаться средь нас!

Пока, голодный, по морозцу
Бежишь – и близится метель,
Твой Сад Заброшенный разросся,
С тобой свиданья захотел...»

Он отвечал: «Я грохот слышу
Солдат-губителей. Всё ближе
И неизбежней с каждым днём
Сестёр и братьев избиенье...
Народ, скажу я, внемли пенью
И засели нездешний дом!..

Я приурочен к злему часу,
И если в страхе отступлю –
Какие волны хлынут сразу?
Кого из вас я утоплю?

Творенье длится. Если сброшу
Мешок судьбы средь бела дня, –
Один из вас поднимет ношу,
Его пошлют сменить меня!»

...И светлый сонм, охвачен дрожью,
Бежал, как искры от огня...

1975

Чтение книг

О чтение книг – немое построенье
Заиндедевших замков изо льда!..
И неприметно улицы старенье,
И то, что шаг затверженный солдат

Стал неуверенней, и то, что вовсе
Исчез сосед, как слово из стиха,
А годы разбредаются, как овцы,
В твоём лице утратив пастуха, –

Ты не заметишь, строя лучевые
Кварталы зданий, гаснувших тотчас.
Но выйдешь вдруг на улицы живые –
Занять у них дыханья, истощась, –

И встанет ель в дверях, как хмурый леший,
И, распахнув бесшумную метель,
Войдёшь в кирпичный город, побелевший
От снегопада множества смертей...

1975

Поэты Из цикла

[1] Кольридж

Внезапно расцветает море,
Обвито зарослями рук,
Вздываясь в бунте и крамоле,
И над водою дышит Дух.

И в отрешённом ранге флотском
Пред Небом шкипер предстоит,
И завещанье пишет лоцман
Для развлечения Нереид.

И слышен шторма взмах последний:
Над вознесённою волной,
Над шлемом бурь, на самом гребне –
Сразился Ангел с Сатаной!

1976

[2] Гёте

Быть в сумраке – светом
И тьмой – поутру,
В метели – раздетым,
Одетым – в жару,

На Западе – шахом,
А в бездне – летать
И каверзным взмахом
Пространства взметать...

Творить – и лениться.
Мелькнёт эполет –
Учтиво склониться,
И плюнуть вослед!

1976

[3] Низами

В светлейших долинах лежал твой удел,
Но сам ты в один из семи
Тех дней не вечерних слететь захотел,
Как лист, и ослепнуть с людьми.
Ты вышел, покинув бессмертный простор,
Гремя золотыми дверьми,
Вослед не послышался окрик: «Постой!» –
С небес безразличных семи.

Но, если стыдишься стать братом вещам,
Моё увещанье прими:
Я родину душ по ночам посещал, –
И ты посети с Низами!

1976

[4] Петефи

Зеркальное застывшее пространство,
Родные колющиеся степи,
Вода и свет, обнявшиеся страстно, –
Свежа, недвижна родина Петефи.

Но, недруг сердца и мечты союзник, –
Душой кляни, а языком приветствуй, –
Со свитой чисел, офицеров грузных,
Шагает Время мимо строя бедствий

И говорит: «Я честью заклинаю:
Исполни долг, а после славы требуй –
Верни всю кровь бурлящему Дунаю,
А весь порыв – безоблачному небу!»

1976

Улица будущего

В начале – тихий дом, и здесь
Живут герои Ариосто:
С них смерть навеки сбила спесь,
У них бесхитростно и просто
Цветёт блаженство на лице.

А близ провала – там, в конце,
Есть особняк героев Кафки,
И каждый мыслит: «Как я цел
Остался средь вселенской давки?..» –
И не решит никто задачи...

...На протяженье мостовой –
От Дома смеха к Дому плача –
Подземный мерный пульс живой,
И крови полная отдача
И поит, и во всей красе
Сырую землю содрогает...
С тем сердцем, словно Одиссей
С сиренами, мой слух играет.

1976

«Был мальчиком кудлатым...»

Был мальчиком кудлатым,
И у корней, где мох,
Как рядом с тайным кладом,
Стоять часами мог:

Там муравьи копали,
Фундамент возводя,
И маленькие пальмы
Лоснились от дождя.

И жил народ любезный
В стране лесов и вилл,
А он, как дух небесный,
Над нею волен был.

Но мальчик стал подростком –
И ощутил, скорбя,
В садах, под корнем скользким,
В такой стране – себя.

И только много позже,
Покинув путь кривой,
Внезапно понял с дрожью,
Кто смотрит на него...

1976

Безрассветный край

Вблизи гнездящихся меж мыслей
Домов, гнетущих и квадратных,
Близ газовых заводов, близ ли
Орудий пахотных и ратных, –

Не знаю, только в гиблом месте
Толпятся ночью под покровом
Чернеющих, как дым, известий:
Не жди рассвета в мире новом!

Его не будет. Проходи же.
Привыкни к жизни одноцветной! –
Но смотрят вверх. И небо ближе.
Росою пахнет предрассветной.

1976

«Мне прежде яви открывалось...»

Мне прежде яви открывалось
В широком сне:
Деревья стягами взвивались,
И крепостями надмевались
Леса к весне.

И снился ты: твои полёты,
Паденья крик, –
Цветущих яблонь повороты,
Вперёд смотрящий, с видом Лота,
Седой цветник.

И только так могло случиться,
Слетевший лист:
В преддверье смерти – чем лечиться?
Предначертанье ветра – чисто,
И сам он чист.

1976

Балкон

Внезапною зарёю ранней
Разбужен мальчик. Он взволнован
Цветным сверканием собраний
И бесконечно звёздным, новым,

Слепящим небом. Там, над домом,
Всё ожило – и смотрят люди
Вслед лицам, некогда знакомым,
И взглядам, гаснущим в салюте.

И на балконе замер мальчик:
Под ним – в сибирский лес длиною –
В обрядовых застыла плачах
Толпа зарезанных войною.

Но вдруг – среди мёртвых – вдох и выдох:
Из них один стоит всех выше,
Один из некогда убитых
Над городом внезапным дышит...

И понял он, что без порезов
Прожитых жизней – жив не будешь,
Что прошлое не схватишь трезво
И только опрометью – скрутишь.

1976

Чайка

Из цикла «Песни безумца»
От облака к облаку перелетая
И всё оставаясь внизу,
Ты, острая чайка, ты, чайка крутая,
Зачем накликала грозу?

Иль думала ты – урагана порывы
Покажут бескрылому мне
Сверкание громом разбуженной рыбы
На чёрной от дыма волне?

Покажут, как в лаву кипящую рельсы,
Состав ослепив, перешли,
Как рушатся грады, взметаются веси
И кровь вопиёт от земли?

Покажут, как, страны в созвездья взметая,
Впадает Земля в забытье, –
Ты, лютая чайка, ты, чайка литая,
Ты, мёртвое время моё...

1976

«В солнце птицы стреляли, как в цель...»

В солнце птицы стреляли, как в цель,
Затащив беззащитное за реку.
Вдруг – дыхание Его на лице:
Я горел. Он держал меня за руку.

В торопливой, толпливой воде
Он не дал, по наитью единому,
Обезмолвиться в мире людей,
Стрекотать средь полей по-звериному.

Но и зрячим поёт поводырь
И прозрение надёжное дарит нам –
Ярче сада, бурливей воды
И заката священной и памятной.

1976

«Красота безропотна. На всём...»

Красота безропотна. На всём –
Отпечаток боли и терпенья.
Поле, заселённое овсом,
Готика куста, чертог репейный –

Не ответят, если запоешь.
И молчанием неразделённым
Всё полно. А сожаленье – ложь,
Словно плач царя над разорённым,
Поступь дыма по овражным склонам,
И умершим – долгожданный дождь...

1976

«Сколько листьев! Сколько душ...»

Сколько листьев! Сколько душ,
Вырванных из тела,
Взелениться в эту глушь,
Прорасти успело!

Сколько плача в городах,
На ветвях – рождений,
Из подвала на чердак –
Сколько восхождений!

Сколько судеб, сколько доль
В узенькую дольку
Обратил лесной король, –
Сколько листьев! Сколько...

1976

Страх

1

Бежит, не убегая,
Закатная река,
Её, не убивая,
Пронзает луч клинка,

А в ней, в траве-короне,
Простившись с белизной,
Лежит, не похоронен,
Зелёный царь земной.

2

Чем дольше я смотрел, тем твёрже
Был убеждён, что это – зверь:
От скул с нетерпеливой дрожью
До хищных складок у ноздрей

И влажных глаз нечеловечьих,
В которых шаткий ум дремал...
Но, убеждённый лстивой речью,
Я забывался – и внимал...

1976

Позднее

Все волненья обмелели,
Забывается недавнее.
Словно постоялец в теле,
Суею душа не сдавлена.

Думал: в ум стучится гибель,
Это лето – не во сне ж его
Мир летящий залпом выпил,
Чтобы стать снежнее снежного?

Расцветали, опадали,
Созревали, чтобы выстелить
Путь белеющих сандалий,
Проложить смертями чистыми –

Тем, сходящим свыше, тропы,
Чьи ступни не свыклись с трением,
И они прошлись для пробы
По снежинкам, как по терниям,

И поют: «Мы тоже снимем
Угол с высохшими розами
В помещенье этом зимнем
С облетевшими вопросами...»

1976

«Снова лампа зажжена...»

Снова лампа зажжена,
Ждешь любви и сил прилива,
Как в родные времена –
Под ночной немой оливой,
Где лампада боязливо
Гасла с приближеньем сна.

Это ты? А если нет –
Отчего же так похожи
Мысли грушевая кожа,
Чувства персиковый цвет?
Почему приходит то же
Слово через сотни лет?

Это ты? А если да –
Я люблю тебя, как раньше,
И меня твой стих звенящий
Увлекает, как вода,
Сквозь смертельных бедствий чащи –
Вот на этот луч, сюда.

1976

Дождь Поэма

Средь войск земли – благословенна будь,
До неба ростом – армия морская!
Тысячекратно преграждая путь
И снова беспрепятственно впуская,

Поёшь: «Воскресни – и из тучи пей!»
И вновь – у губ, и вновь свистишь поодаль...
Бубенчики распавшихся цепей
И путы с неба спущенной свободы!

Когда в гробницу страха жизнь легла,
Когда безумье было облегченьем, –
На ум, как на спалённые поля,
Вы низошли пророческим реченьем!

Вы пели властно, к вечности будя,
У времени на густохвойных склонах.
Спою и я, за струями следя.
И терем без единого гвоздя –
Да будет крепче кровию скреплённых!..
.....

...Был вечер густ. Играл бессонный Рихтер.
И, выйдя в мелочь свежего дождя,
Суть музыки запомнил Виктор.
Она вошла в сознание погода –

Когда во всю ревущую длину,
Устав от запахов вокзальных, поезд
Обрушился в вечернюю волну –
И пел, во тьме мелкопоместной моясь.

И в тамбуре мелодию одну
Зрочки твердили, станции встречая.

И в ней стакан недопитого чая,
И лишний, осчастлививший билет,
И дама, поводившая плечами
От скуки, и концерты прошлых лет –

Кружат весенней сорванной листвой,
И каждый лист – живой в многоголосье,
И длится равновесье торжество
Как чудо в их нахлынувшем хаосе.

И это – Бах и музыка его...

...Одиннадцать мелькнуло полустанков.
Шлагбаумы с расцветкой арестантов
Впускают поезд. Виктор видеть рад,
Как на плакате два бойца из танков
Встречают прошлой осени парад.

Дождь, бывших пассажиров подхватив,
Как опытный носильщик чемоданы,
Уносит их. И в суете мотив
На станции сиротской долгожданной

Теряется, свой скользкий луч скрестив
С берёзовыми мокрыми ветвями.

И Виктор ищет, шевелит бровями,
Но нет – не вспомнить. И темно притом.
Здесь только пьяный хвалится правами,
Да туча ловит мир открытым ртом.

И свет заката тает восковой,
А через рощу путь ещё не близкий, –
Да ну его, мотив. Ведь не впервой.
Ведь он не паспорт: выбросишь без риска...

...Большим плащом накрывшись с головой,
Уходит Виктор в воинскую чашу.

...И жизнь с дождем несут сквозь лес журчащий
Его, как полуспящее дитя
Отец усталый, засыпая, тащит...
Забывшись, словно медленно летя,

Он шёл меж веток, не заметив, как,
Мелодию тропинки прерывая,
Фонарь в дотоле незаметный мрак
Вонзился и сгустил его, кивая
Дубов косматых тенью. Лай собак
Прошёл, как дрожь, по утреннему лугу.
И вдруг, подобно испугнутому кругу
На камне растревоженной воде,

Расплылся бас: – Привет душевный другу!
Здорово, Виктор! Пропадаешь где?

Дождь, пробуждая, падал на лицо...
Всмотревшись, он вскричал: – Откуда, Яков?! –
И под навес на ветхое крыльцо

Взошли. – Во всём и всюду одинаков
И сызмальства считаясь подлецом,
Ты опоздал часочков этак на семь...

И на крыльце запахло пятым классом
И окриками школьного двора...
– Вчерашним чаем эту полночь скрасим!
– Я так подумал – дверь открыть пора...

...Возня с замком, каникулярный смех,
Скрип, запах чая и сырой фанеры.
– Полдня в кустах скрывался ото всех,
И только ливень действовал на нервы.

– Переоденься! Не соболий мех,
Но рубище, достойное дервиша...
Строй дождевой маршировал по крыше...
– Так от кого ты прятался? Ответь!
– За стенкой кто? Соседи? Можно тише?
– Там Васька. Расхрапелся, как медведь.

– А, это тот, что восемь лет назад...
Он жив ещё? – Как слышишь. – Снова стонет?
Он, видно, жизни и во сне не рад:
По крикам судя – и горит, и тонет...
– Что ж, получил по долгу службы, гад...
Так что ты? Не по этому ли делу?

– А разве так не видно? Не в беде ли,
Ушедши из дому, под ливнем ждут,
Пока душа не отсыреет в теле,
Глядясь в стекло стекающих минут?
А в чемодане – шесть любимых книг,
Электробритва, рижский хлеб и вафли...
Сидишь – и поджидаешь каждый миг
Гостей незваных... Ну скажи – не граф ли?

– Так ты боялся, чтобы не настиг
Тебя закон карающий на даче,
Притом не на твоей? – Могло б иначе
Всё обойтись, не так, как в прошлый раз...
Я верю в Бога, только не в удачу.
Два года ссылки. Бог от срока спас...

...Вдруг свет погас. Тогда в беседу их
Включился дождь, безмолвно-говорливый,
И от его признаний Яков стих
И сидя задремал, почти счастливый...

...И был рассвету дорог каждый штрих
Дождём густым расчерченного сада,

И он решил: художнику не надо
Мешать, а рядом тоже места нет –
И за садовых влажных туч ограду
Он скрылся, седоватый сея свет...

– Я утром, дом разыскивая твой,
Название слышал – «Воинская роща»...
Неужто там, прикрытые листвою,
Стоят ракеты? Объясни попроще, –

Спросил, очнувшись, Яков, чуть живой
От сновидений тягостных без счёта.

– Там, кажется, в войну стояла рота, –
Василий врал. – Не помню уж сейчас.
Иль просто так – назвали в честь кого-то:
Помещика... Пошли туда, как раз!..

...А дождь к утру немного отдохнуть
Намерился, друзьям предоставляя
Свою замену мелкую и путь
В глухом лесу, хранившем запах чая.
Им воздух и теснил, и полнил грудь
Предчувствием полётов небывалых,
Им жизнь в сменяющихся покрывалах –
В зелёных, голубых – входила в кровь
И пела им, как могут на привалах
Петь воины очищенных миров:

«Средь скал и садов твоих –
Как вихрь,
Олени, олени!
Сквозь сорок слепых поколений –
Ты сердцем лови их!

Здесь – полночь и полурассвет:
В родстве с глаголами вещей,
Там – дети убитых, воскресших –
В сиянье, в игре, в торжестве!

Прислушайся и пойми –
В семи
Свечах
Твой фитиль зачахший
И воск
Твоих войск

Зажжён
Молением мужей и жён –
И пламя вскипает в чаше!

Кому во врата вступить –
И солнечной крови
У мёртвых веков в изголовье
Горстями испить?

Средь скал и садов,
Средь оленьих следов –
От света миров замри!

Там луч, не ломаясь, длится,
Там грозных Ангелов лица –
В границах
Новой земли!..»

1976

Встреча Поэма

Снег таял, над страной огромной
Сочился с крыши, а возле нар,
Внизу, скопился лужей тёмной
И людям кровь напоминал.

Но он её с земли смывал,
И лишь в горах взгремело звонко –
И снежно-каменный обвал
Убил бежавшего ребёнка...
.....

...Их четверо, среди них витает
Дым сигарет и рой теней,
И каждый об одном мечтает –
Поговорить наедине
С другим. Вино на самом дне,
И льдинкой будущее тает.

Они сошлись к какой-то дате,
И каждый свой язык стерёг,
И каждый знал, что здесь – предатель,
Подозревал двоих из трёх.
И встретились они некстати:
Здесь крест трагических дорог
Стальным гвоздём скрепиться мог.

И с каждым вздрагиваньем лифта
Их в дрожь бросало, четверых,
И зарождалась не молитва,
Но неосознанный порыв
В их душах. – Прочь из этой тёмной
Поры тянул и к смерти звал...

Снег таял над страной огромной,
Сочился с крыши и кровь смывал.

И каждый видел два – враждебных,
Одно – любимое лицо.
В слепом преддверье дней судебных
Оно пленительной пылью
Пчелиной памяти казалось.
В слепом октябрьском саду –
Одна нетронутая завязь...

И в улей смерти рвался дух –
Влететь нежданно и круто,
С амброзией внезапных слёз,
С последними словами друга,
С которым верил, плакал, рос.
Но даже это не сбылось...

Внезапно обрывался выдох,
Нежданно обжигался вдох:
Смешенье жизней – не разбитых,
Но тьмой растёртых в порошок,
И голоса ослепших скрипок
Над крематорием надежд...

Как снег на крыше густ и свеж,
Как на земле от крови липок!

Кто нас судом неправым судит?
Он чёрен, зорок, не раним.
Он обрывает нити судеб,
Мы все виновны перед ним.

Кто братьев выстроил в колонну?
В тюрьму, на муку и во тьму
Они идут – по одному,
По тысяче и миллиону...

1976

Верхний сад Из поэмы

...Им, четверым, открылся этот сад
Однажды ночью, и открытие это
Росло, как гром, и длило свой раскат,
Окликнув в сердце каждого – поэта.

Среди росы стихи слагались вслух –
Пока, как вор, в орешник сумрак лазил,
Пока звезда, чуть видимая глазу,
Натягивала воздух, словно лук.

Крутые шевелились корневища,
И мальчики сидели на камнях,
И Верхний сад их возносил всё выше,
Рассыпанными звёздами обняв...

.....

...И так они встречались часто.
Их мыслям было не впервой
В полночной люльке слов качаться
Меж строгим небом и травой.

И кто-то приходил не к сроку,
И ждал других, и внятно рос,
На скрытую глядел дорогу,
Теньями пройденный насквозь.

У входа в сад, у трёх берёз
С переплетёнными корнями,
Они садились вчетвером,
И кто-то вслух: – Смотри – над нами

Так пусто – покати шаром...
Одни ковши, круги, квадраты –
Неисчислимы караты,
И пусто всё ж.

– К чему ты клонишь?
– Пусть небосвод глядит царём,
Но лучшие из всех сокровищ
Лишь на земле мы соберём...

Незримый рост, и грусть, и шалость,
И постиженья жизни страх.
И сада жалобы мешались

С шипеньем хвойного костра...

Пока к рассвету мрак не выщел,
Огонь для каждого из них
Играл на трёх прекрасных лицах
Сонату судеб неземных...

.....

...И если кто из четверых на миг
Опомнится среди забот житейских,
То Верхний сад ему из вод Летейских
Протянет ветви. Хоть одну из них...

На той земле, где восковеют лица,
Назад мелькнувшим взглядом улови
Июля чудотворную десницу
И Верхний сад – предвестие любви...

1976

Из книги «Осенний поезд» 1977–1980

Ночная Польша

Там встречный – в сутане
Иль форме парадной,
На санках катанье
С горы безвозвратной,
В беззвёздную полость
Нависшего рва
Бил утренний колос –
И день созревал.

Но ищешь иное –
И видишь лишь ночи,
Где лист жестяной
Февралём исколочен,
Где будущих пагуб
(Горят адреса) –
Что зреющих ягод
В июльских лесах...

Идёт – мостовой ли,
Белеющей кроной –
Творенье живое
Сквозь мир похоронный,
И в этой фигуре
Меж тлеющих лип –
Не двери, а бури
Замкнувшейся – скрип.

Соборно и твёрдо
Лицо, словно город, –
Старинного рода
Последний аккорд.
О Вы, незнакомка
Во мраке до пят,
Безжалостно-громко
В Ваш дом постучат.

Там жертвенный опыт
Пьёшь уксусом с губки,
Там ангелов шёпот,

Хрустальные кубки
Для крови... Ты помнишь? –
Рожденья звезда.
И польская полночь
Возносит туда...

1977

Напев

1

Привратник покинул пост,
Портняжка саван дошил,
Но город – как верный пёс
У ног парящей души.

Он жмётся к её следам
Всей болью, что в ней жила,
Он лает: «Куда? Не дам!...» –
Впивается в край крыла.

И память ныряет вспять,
Под грудь ледяной волне –
Пройдя через смерть, играть
На дворике детских дней...

2

...И вновь пробуждает шприц –
Взглянуть на отёкший двор,
Где рук, разговоров, лиц
Согласный и грубый хор,
Как небом над ноябрём,
В тугом опьяненье качаясь,
Сквозь боль идёт напролом
И близит последний час.

И слушаешь, оторопев:
В предсмертном дворе, в толпе,
Свершённой судьбы напев –
Живым птенцом в скорлупе...

3

...А прежде – почти исчез
Иль в уличный шум уплыл:
Секунды имели вес,
Их двигали, как столы.

Контора – и лица тех,
Кто видит про службу сны.
В директорский – шкаф под орех.
Копирка. Годы темны...

И время в гнилом тряпье
Обходит с кружкой дома,
И город под пресс-папье
От страха сходит с ума.

4

...Не в тело напев одет –
В бубенчики, в день-деньской:
Проулки бегут к воде,
Мальчишеских чувств раскол.

В деревьях дрожит восторг –
Безудержно широко
Разбросаны сроки строк
Апреля сквозной рукой.

Как в детстве руки раскинь,
И время раздвинь плечом,
И пасти псам городским
Замкни напева ключом.

По лестнице слёзной слез,
Преступный город шадя,
Угас в густоте небес
И вспыхнул на площадях.

И меж поминальных огней
Есть в небе ему свеча,
Но если потянется к ней,
Почуяв ветер в плечах,

Но если сухим листом
Взлетит на пути крутом, –
Сожжён смоляным стыдом,
Внезапно падёт Содом...

1977

Пригород

Домов полупогасших безразличье
И пористая пустота ржаная.
И, как охотник в ожиданье дичи –
Вослед проходим ночь напряжена.

Пустырь у сердца пригорода. Слева,
Ветвями впившись в дремлющий апрель,
К нему зывают нищие деревья:
Очнись, опомнись, почками прозрей!

И небо, сбросив сумрачную ветошь,
На землю сходит, тёплое, и вот –
На просветлённом перекрёстке встретишь:
В лицо посмотрит и слегка кивнёт...

1977

Полнолуние

Пустая площадь, полная луна,
И особняк под снегом двухэтажный –
Как холм среди бесплодной белой пашни.
И, пятерню подняв, лежит война
Минувшая. Она замечена
Забывчивостью зимней. Ей не страшно,
Что в кольцах звёзд, громоздка и черна,
Её рука дрожит на небе плоском...
...Томившейся под храмом вавилонским,
Под зданьем без проёма и окна, –
Легко земле: легчают времена
И белый особняк почти не давит
На сердце. Шевелящиеся дали –
Предсердия земли. А ты – душа,
Тебя на страже поместил Всевышний
Меж войнами. Замедли зимний шаг
Меж пепельной – и огненной, чуть слышной...

1977

Улица

Чем больше взглядов на неё бросают –
С небес, из окон, из неё самой –
Тем безнадежнее поёт, босая,
С распущенными косами, с сумой.

Тем больше душ – недавно отлетевших,
Снимая с глаз большие пятаки,
Бросают ей. Их снова песня тешит,
Шарманка лета, тленью вопреки.

Здесь к осени, в венце стальных колосьев,
Обрёл Сократ последний свой приют...
Ты слышишь, неприкаянный философ,
Как двери в Никуда легко поют?..

1977

Вечер в вагоне

В ночь смещается равнина,
Все – от окон, вновь за карты...
Как душа твоя ревниво
Ловит каждый луч заката,

Как боится не напиться
Влаги зрительно-воздушной,
Как секунд мелькают спицы,
Как сухим цветам не спится
Всю метель в суме пастушьею...

1977

«Ищет галка оттаявший грош...»

Ищет галка оттаявший грош,
Свищет поле на сотни ладов,
Города окунаются в дождь,
Очищаются от холодов:

Скоро снова меня поведёшь
По дороге без слов и следов...

И китайских садов фонари –
Сизари за окном у меня,
Но зажги свой закат, говори
На заре уходящего дня,

Потому что горит изнутри –
И грозит распаяться броня...

1977

«В грандиозных зарослях жары...»

В грандиозных зарослях жары
Созревала будущая осень.
Полдень сник. Он выбыл из игры,
Краски лета исчерпал и бросил,

И они бочонком, грохоча,
Покатались с августовской горки.
А в случайных уличных речах –
Кисловатый привкус чёрной корки.

В это время птицы мелют вздор,
Ласков к нам любой, кого ни встретим,
И в негромкий личный разговор
Пьяный день всегда встревает третьим.

...Вот уж, солнце на плечо склоня,
Населённый скверик зачирикал –
И в закатной, жёлтой чаше дня
Закружились птицы, как чайники.

Не прошло и четверти часа –
Происходит смена декораций:
Конный бой на небе начался
И грозит на землю перебраться,

И с мольбой безмолвной смотрят вверх
Тополя, качаясь и кивая,
И идёт бездельник-человек
К остановке сонного трамвая.

Взгляд парит, жары покинув клеть,
В облаках теряется высоких,
Навсегда спеша запечатлеть
Образ дня в простых, как воздух, строках...

1977

Новоспасский монастырь

О самый овраг спотыкались дома –
Причудливые сосуды печали,
Зарёй закупоренные дотемна,
И гордые тучи ландшафт венчали.

И он – почерневший за зиму сосуд,
Наполненный винной виной предчувствий,
Воочию видел: его несут
Распить – и разбить в одичалом хрусте

Кустов придорожных и слов сухих,
Какими обменивается прохожий
Со встречным случайным. Он чувствовал кожей
Древесно-шершавую сухость их.

Темнело, и тучи слетались на пир,
А он на лукавый проулок с опаской
Косился. Тогда монастырь Новоспасский
Проулок и позднее небо скрепил.

...Есть странное место пред монастырём –
Поляна с деревьями грозно-густыми,
Завалена углем и всяким старьём, –
Поляна людей, забывающих имя.

Здесь утром пируют под каждым кустом,
А к вечеру многие спать остаются,
И галки на выцветшем зданье святом
Сквозь дождь еле слышный над ними смеются.

Задушенный проводом, спит монастырь,
И в памяти слов распадаются звенья,
И тенью выходит звонарь на пустырь –
На полный до края обид и забвенья...
.....

...И он тут сидел, забываясь, лечась,
И пил эту смесь униженья и боли,
И было страданье его – только часть
Огромной, как небо, всеобщей недоли.

И вдруг он увидел старушек – они
Одна у другой отнимали бутылки,
Валявшиеся, куда ни взгляни,
Ругаясь до самозабвения пылко.

И всё же прервать не могли тишины:
Крутой колокольни колонки и дверцы –
Как тайна безропотно-нищей страны,
До дня отомщенья хранимая в сердце.

...И день воссиял. Он поднялся – и шёл,
Проулком, землёю и небом довольный.
Был издали виден ему хорошо
Сверкавший на башне рассвет колокольный.

1977

«В огромном, начала века...»

В огромном, начала века,
Доме в траурной раме,
В каком, быть может, Ревекка
Жила когда-то в Харране,

Во тьме, в ноль часов с минутой –
А время хлопьями валит –
Один ледяной, неуютный,
Лепной балкон оживает:

Человек открывается ночи
И смотрит на шаткие звёзды,
И всё, чем он был озабочен,
Облетает морозно и просто,

Но холод в душе остаётся.
Он видит случайно меня –
Напротив. И непрочно смеётся,
Перебирая ужасы дня,

Смеётся громко, как маленький,
За ним окно – как свеча.
И хочется взять его на руки –
И как ребёнка качать...

1977

Свет из окон Из цикла

[1]

...И время, пойманное в клетку
Просветов меж ветвей древесных,
Поёт по-грустному и редко
Обрывки песен неизвестных –

То звуков разноречье зимних,
То жарких листьев стрекотанье,
То память в непробудных ливнях
Бежит от перезревшей тайны.

Но влажный вкус её малинный
И вспоминается, и манит,
И возвращаешься с Неглинной –
Насквозь – вечерними домами,

А в них стирают и рисуют,
Растят детей и орхидеи
И видят улицу косую
Из окон древней Иудеи.

А ты идёшь – тебя не знают
Ни зеркала, ни коридоры,
Но время – лестница сквозная
В наш мир высокий и бредовый.

Ты – в нем опять. И только сзади –
Обрывки скорбных разговоров,
И вздохов чистые тетради,
И страха бархатного ворох...

[2]

А толпы крапивы темноглавой,
Когда затмения сок поднесут, –
Ужели спросят о каждом слове,
Замкнув сады на последний суд?

Ужели припомнят, как звали молча,

В наверх полдня на слух светясь,
И как образумить пытались ночью,
Приникнув к стёклам закрытых глаз?

Куда бежать, если трижды спросят,
Как скрыться меж стеблями лет, когда
И листьями бьются, и их уносит,
Белея, тлеющая вода?..

1977

[3]

Двор. Дерево едино и темно –
Нерасчленённый хор, в нём каждый лист – как птица.
Но зажжены огни – уже пришли за мной,
Мне в прошлое пора к ушедшим воротиться.

У вас темно дышать, а я хотел пройтись.
Здесь окна вечеров объёмны, словно клетки,
В них Дерево Добра рассыпалось на птиц,
И каждая поёт – одна на целом свете.

Не смели подойти, росли вдали, как дым,
Но, подкатив звезду, в ней замерли. – Я еду!
Там затихает плач. Там с будущим одним,
Как с братом по утрам, о снах ведёшь беседу.

1977

[4] Голос Иакова

И ты во сне бежал – и двинуться не мог,
Как загнанный олень, запутавшийся в чаще.
Кровавый пот секунд, сочившийся на мох,
Был поднесён тебе в твоей горчайшей чаше.

Пригубил ты – и лёг. И в этот самый миг
Звучащие тела мелькнули меж стволами –
И всё заполнил свет. И он вмещался в них,
Но был превыше их, как лик в картинной раме.

И ты забыл про смерть. Под греблю грубых рук,
Сияя, голос плыл. Ты вспомнил, как Ревекка
С корицей пряною смешала горький лук,
Уча Иакова. Тебе открылись вдруг
Безумье, нищета и слава человека.

1977

[5]

Я мудреца спросил:
– Зачем на свете зло?
Он из последних сил,
Ступая тяжело,

Развёл костёр. И вдруг
Над ним, средь пустоты –
Лучистых кисти рук
И музыки персты.

Но если бы не дым,
Не копать от костра –
Мне был бы луч незрим
И радуги игра...

1977

[6]

Я в беспокойстве, но найду покой,
Едва лицо твое вблизи увижу,
Иль в трёх шагах, иль даже за рекой,
Иль пусть во сне, но мне хотелось – ближе...

Я безнадежен. Но надежда есть –
Что смертный слух слова твои уловит,
Иль о тебе дойдёт глухая весть,
Иль тень её коснётся изголовья.

Я умираю. Но ещё живу –
Лишь запахом, почти неуловимым,
Твоих волос, упавших на траву,
Тянущуюся к нисходящим ивам.

1977

«Словно пловец, увлечён ледяною струёй...»

Словно пловец, увлечён ледяною струёй
И не имеющий сил на движение иное,
Слушаю речь и глухие осколки её
Чувствую в страхе – прилипшею к ветру спиною.

Но в ураганный, глухой, нарастающий гул
Вдруг занесённой души отворяется дверца:
Слог одинокий, застывший в девятом кругу,
Вырваться хочет... Всё жарче и жарче на сердце.

1977

Внезапное

Златая цепь причин и следствий
Порваться может, словно в детстве,
Но вновь сомкнётся, став длинней, –
И крест окажется на ней.

Бывают улицы мрачнее,
Чем птицы в склепах у Линнея,
Бывает, улица вспорхнёт –
И засвистит, как зяблик синий,
А ветер – в такт, совсем без нот,
На многолюдном клавишине.

А кто родился на земле –
Пусть галкой рядом с водостоком –
Тому намного веселей,
Чем волнам в море одиноком:

Распахнутый, молящий глаз
Средь слепоты стоокой мрака,
И редко-редко водолаз
Смахнёт слезу с больного зрака.

И остаётся только лес –
Он души сломленные чинит,
Кружа меж годовых колец,
Не вспоминая о кончине.

Допишешь полночью крутой
Жизнь до последней запятой –
И с прошлым будущее свяжешь...
Но это – вовсе не про то.
О главном – ничего не скажешь.

1977

Святой Себастьян

С растущими крыльями белыми –
И сам, словно птица, бел –
Висит, оперенный стрелами,
Мишенью для новых стрел.

...И глина с тяжёлым телом
Сольётся. А что ему?
– Весь белый. Такому белому
Уже не упасть во тьму.

Такому – не оступиться...
И ночь земли напролёт
Под черным куполом птица
О муках любви поёт...

1977

«Это было незадолго перед смертью...»

Это было незадолго перед смертью:
Осень сыпала секунды, словно гравий,
Пах бульвар позеленелой медью,
Были сны яснее всякой яви.

Тротуары становились шире
От цветов – никто не думал брать их,
Слишком неестественно спешили
Модницы в чрезмерно длинных платьях.

Он, сквозь переулки, как сквозь пальцы,
Просыпаясь в бытиё иное,
Непривычно часто оступался,
Чей-то взгляд почувствовав спиною...

...Город, словно сонный глаз, слипался...

1977

Квартира

У входа, на вешалке – судьбы
Пестреют одна на другой:
Их Время, как тяжкие шубы,
Развешало спешной рукой.

И дверь отворится с одышкой,
И длинной передней пройдёшь:
За стенкой – лепной, как ледышка, –
Забытых событий галдёж.

И в жизнь, как в сонату сквозную,
Войдёшь, отряхая миры,
И сразу возможность иную
Узором откроют ковры.

Усадят – и, как ни упорствуй,
А взгляд допьяна напоят...
Здесь наше свершалось знакомство
И полдни, и ночи подряд,

Бессонницей противоречий
Кормили за этим столом,
Здесь были нежданные встречи
И свечи величья в былом,

Провиденье зимних пожаров
В горенье июльских рябин,
Того, как незнающий жалок
И как познающий любим,

Как, слухом больным налитая,
Отчаянья плещет река,
Как вихрем любовь, налетая,
Уносит лицо в облака...

...В конце этой комнаты, слева,
Окно безвозвратность таит –
В нём, словно осенняя дева,
Пречистое Небо стоит.

1977

Сухие цветы

...В тот час я бродил без надежды
По летним проулкам Москвы,
И нечто бездушное между
Сознанием и цветом травы
Вмешалось и было на вы
Со всем, что так не жило прежде, –
И город лишался одежды,
Лица, языка, головы.

Душа, как багровая лента,
Висела, и зная закат
Пылал – поделиться хоть с кем-то
Словами того языка,
Что слышен пред смертью. Века
Сошлись и явились за рентой,
Но час, как должник безответный,
Пред ними свисал с потолка.

Лишь тихий журчал ручей
И всё обращался к кому-то,
Но слух облаков был далёк,
А улица спесью надута,
Запрудой стояла минута,
Была моя грусть невдомёк
Ольхе, воспаряющей круто...

...Витрины, портреты зверей,
Плакаты пожара и хлеба...
И я на невзрачном дворе
Увидел Читателя Неба, –
В него он смотрел, словно не был
Слепцом среди поводырей.
Средь брёвен, у чёрных дверей, –
Дитя лучезарное Феба.

Хотел я к нему подойти –
Но двинулся сам он навстречу:
Открылось, что нам по пути –
Исследовать птичьи наречья,
Ведь птицы победно щебечут
В кустах, в городах, взаперти.
Нам вместе вдоль улиц брести,
Взваливши безделье на плечи.

...А солнце всё медлило выйти

И взглядом сразить наповал...
И мы подошли к общежитью,
Пройдя бесконечный бульвар, –
Садовник цветы поливал,
Тропу находил по наитью,
Подобно Тесею на Крите,
И с дворничихой воевал.

Зашли. Он рассказывал мне
О детстве в заглохшей деревне,
Как дни были много длинней,
А ночи темней и смиренней,
Как ставила мать на колени
К огромным зрачкам на стене
И как наяву и во сне
Дразнили и пахли коренья.

И вынул тетрадь. Меж листов –
Там листья из лет этих дальних,
Все разные – может быть, сто –
Зазубренных, круглых, овальных,
И несколько синих цветов –
Почти уже нематерьяльных.

И он продолжал свой рассказ,
По имени их называя,
И радость меж нас родилась,
Трепещущая и живая...

1977

«Касаясь пыльной дрёмы жалом...»

Касаясь пыльной дрёмы жалом,
Скитанья и греха образчик,
Змея дороги над вокзалом
Висела – на ладонь от спящих.

Сквозь сон смеясь, цыган провидел
Столиц горящие палатки.
Спал мира изгнанный правитель
В шинели Каина на лавке...

1977

Неизбежное

Нежданно и негданно – лицом
Подобный небу, зеркалу, потоку,
Вместивший лет моих лучистый сонм
В зрачках, горящих грустно и глубоко,

Пришёл мой гость. Судьба свилась кольцом,
Сочился в детство смертный холод Срока...

Но выше сил был солон этот сон,
И я бродил, проснувшись, одиноко...

1977

Моммендор

В сон распахнутые взоры...
Прорезается в глазах
Чёрный замок Моммендора –
Словно молнии зигзаг.

Входит смерть – и стебли косит:
Густо травы поросли,
Заслоняющие проседь
Моммендоровой скалы...

...Соглядатаи-туманы
По крутой скале ползут,
Кони в сумерках неожиданно
Гостя вешего везут,

И барон спешит навстречу,
И волнение улеглось, –
Но отрывисты их речи,
И не прямо смотрит гость...

Треск светилен, чад жаровен,
Тьмы высокий потолок...
Грозен взгляд, и путь неровен,
И слова диктует рок.

Все ушли – лишь эти двое
Медлят, царствуют и ждут –
И в безмолвные покои
Шаткой лестницей идут.

Только полнит коридоры
Сада мертвенная тишь...
Не забудешь Моммендора,
Как судьбу не победишь.

1977

«Над Иоганном-немцем...»

Александру Вустину

1

Над Иоганном-немцем
Всё ниже небо виснет –
Так смерть играет с сердцем:
Набросится – и стиснет,

Но, отпустив, забудет,
Когда окликнет Бог,
И вновь катает судеб
Запутанный клубок...

А ты решил, что просто
Царить в крамольном теле,
Считать по вдохам – вёрсты,
По выдохам – потери,

Гореть созвездьем Рака
В июле золотом,
Кричать во сне от страха
И забывать потом...

Листай, листай страницы
И жди, что боль с любовью
Подробно разъяснится
В обширном послесловье.

Но книга – не такая,
И к ней пролога нет,
И краткий день сверкает,
И вспыхнет чёрный свет...

2

Пахнут ли к осени старые ноты?
Помнит ли прошлое грецкий орех?
Есть между нами и временем что-то,
Кроме греха и расплаты за грех.

Дождь ошарашенный, льдинкой повисший,
Слёзы любви вызывающий взгляд,
О, научи меня музыке высшей,
Я сочиню тебе сотни сонат.

Выплесну всё – и ни капли не скрою,
Что ни попросишь – отдам. Хоть назначь
Цену закатной мерцающей крови,
Цену за полдень, растраченный в плач,

Цену заветной и млечной капли,
Детству даримой – ловить и ронять...
Дай мне прислушаться к вечной капелле,
Встать в уголке – и созвучье понять.

1977

«Медной застынь стеной...»

Медной застынь стеной,
Вихрем ли закружись,
Ты – навсегда со мной,
Ближе, чем к смерти – жизнь.

Горе, коль захочу
Вырваться и уйти...
Ближе, чем свет – к лучу,
Ближе, чем цель – к пути.

В искрометанье крон
И в глубине камней –
Ближе, чем к яви – сон,
Ближе, чем ты – ко мне...

1977

В парке

Темно, и печаль клубится,
И так фонари зажгли,
Как может самоубийца
В последний момент влюбиться –
И выскользнуть из петли...

Они протянули свет свой –
Соломинкой над волной.
Забытых друзей приветствуй!
С обеих сторон – как в детстве –
Влюблённость и страх сквозной.

А кто впереди? Быть может,
И ты? Ведь прошло по коже
Предчувствие – как во сне?

Заря... Но бледнее мела,
И трепетно, и несмело
Взошла она... Что же с ней?..

1977

Каталог гор и морей

1

...В шуршащем краю, словно шарик бумажный – Китай –
Когда-то и ты тонкорунно-игрушечным сделан.
Забутые дали, и небо, и воду читай:
Черны начертанья, но главное сказано – белым.

И смотрит рыбак, позабыв про стеклянный улов,
Про берег соломенный, краткую жизнь без открытий,
Как странная рыба со множеством глаз и голов
Волну будоражит – и вдруг застывает в нефрите...

2

В суме дорожной хвою спрячь –
Излечишься от хвори,
В печаль – добавь совиный плач
С надеждой луговой.

Болезни тела и души,
Племён дурной обычай
Излечит собранный в кувшин
Сладчайший голос птичий.

Целебна жизнь. Раскрыв ларец,
Дыханье трав измерьте.
Целебна смерть. Скажи, мудрец:
Когда и сколько – смерти?..

1978

Баллада

Всадник сорвался с кручи,
С лошадью вместе – в ад.
Люди ничуть не лучше –
Сверху, крестясь, глядят.

Криками их играет
Призрачная рука,
Вздохи их собирает
В перистые облака.

Коршун парит, их тени
Крыльями перечеркнув,
Острым углом падений
Хищный повёрнут клюв.

Только на отзвук тёмный,
Общей страхась вины,
Каждый, себя не помня,
Смотрит со стороны.

Встанет от снов отрадных,
Вспомнит – и возопит...
...Горный побит виноградник,
Капли стучат копыт.

1978

Воспоминание

...В этом веке вязком
Не расправишь плечи –
В городке славянском,
В западном наречье,

Не раздвинешь ветви
В говор проливной.
Оглянулся – дети
Выросли давно...

Не родились. Рано.
Крепче спи, услышав
Сквозь возню тумана
В черепичных крышах,

Как, покинув Краков
После слёз и драк,
В свете звёздных знаков
Едет Яков Франк...

Душно ночью длинной.
Не родились дети.
До резни безвинной –
Полтора столетья.

Смяты крылья Франка.
Гаснет звук речей. –
Нет крыла. Есть ранка
На твоём плече...

Просветлятся дали.
Вспыхнут птичьи хоры.
Звёзды, что упали –
Воплотятся вскоре.

Не тебе ль навстречу
Пыль колёс вилась?
– Не расправишь плечи.
Не раскроешь глаз...

1978

«Был воздух бездомен и колок...»

Был воздух бездомен и колок,
Металась в сомненье щепы,
Как белый козлёнок, посёлок
Нависшие тучи щипал.

Пути разводили нелепо
Руками, скрываясь из глаз,
И в сердце печальное лето
Вонзалось, блестя, как игла.

Но если забудется ворох
Сухих, и несмятый в горсти, –
То вспомни глаза, от которых
Ты страха не мог отвести...

1978

Скрытый город

1

Дня волненье стрекотало,
Птицей пело на виске,
Только в тёплый час и талый,
Утешая мир усталый,
Вечер вызвали к доске.

Ученик любимый, лучший,
Он схватил обломок мысли,
И обломком, словно мелом,
Рисовал Луну на круче,
Но её стирали тучи –
И вопросом тяжким висли:
«Где ответ? Луна – враньё!»

...И движением несмелым
Он опять чертил её...

В час, когда элите звёздной,
Просветлённейшей элите,
Хорошо гордиться сверху
Сквозь пенсне и сквозь лорнет, –

Надо вдруг из дома выйти
В мир шагающих наитий,
В мир непоправимо-поздний,
Где на страх ответа нет...

2

...Ночь глаза наводит рачьи.
Только так и не иначе
Разум сонный и незрячий
Начинает видеть свет –
Не надеясь на удачу,
За улыбкой слёзы пряча
На пологом склоне лет
Старой улицы. Тем паче,
Что в конце её маячит
То ли куст, то ли ответ...

...В стороне, во тьме Заречной,
В переулке каждый встречный –
Неразгаданный секрет...

3

...Человек с нависшими бровями,
С непреклонным, орлим взглядом курда,
Как мы в полночь повстречались с Вами?
Вы с Луны? С Юпитера? Откуда?

Как мы жили – за четыре дома,
Под светилом, гаснущим в испуге,
Как мы жили – глухо, незнакомо,
Не догадываясь друг о друге?

Может быть, звезда волнение выдаст,
Взгляд метнув из-под бровей нависших?
Или мы опять слетим, не свидясь,
Прямо в пропасть со ступеней высших –

И увидим, падая: дорогу
Мёртвыми устлали соловьями...

Кто глядит – без гнева и упрёка,
Звёздным светом нас благословляя?..

1978

Гроза

Гроза подходила – негромко,
Но пристально и деловито,
На слух разнимая в потёмках,
Что смешано и перевито.

Садовник, среди сумерек поздних
Вошедший проветрить аллею,
Твой взгляд задержался на розах,
Запахнувших, благоговей.

Постой же ещё хоть минуту,
Окинь меня взглядом хозяйским,
И душную, плотную смуту
Сними – по привычке, без ласки,
Как ветку, повисшую круто...

1978

Заклинание

Откройся, город, и в дрожь меня брось,
Как льдинки оземь кидают с размаху,
Как по облакам поверяют свой рост
Задравшие воздух раскрытые маки!

Откройся, город, закутанный в страх,
Случайных встреч лейтмотив сокрытый,
Средь жёлтых поминок, на чёрных пирах
Судьбы просеивающий сквозь сито

Внезапных убийств, объяснений в любви,
Игры в королевств исчезающих карты, –
Откройся, город! Ты видишь – львы
Бронзовые потянулись к закату...

1978

Призыв

Покуда солнце не зашло
Над потрясённой головой,
Пока наречия крыло
Не преломилось в полевой

Стране – вне сроков и границ,
Пока дыхание золой
Вверх не взметнулось, – наземь, ниц!
И страх рокочущий омой

Слезам страсти. – Пусть, пройдя
Предсердий путь, сквозь дверь зрачка
Плеснёт кричащая вода, –
Так ждёт гроза себя самой,
Так видишь мать издалека.

О, пусть пространства захлестнёт,
Прельстив миры, вобрав миры,
Неся янтарь, медуз и йод...

И – вспять, как свёртывать ковры
Привык услужливый швейцар...
И пусть они в тебе живут,
Из твоего светясь лица!..

О – сколько ищут, ждут, зовут
Тщету твоих бескрылых век –
Все копыеносцы злых лесов,
Все латники латунных рек!..

О ты, замкнувший на засов
Две створки золотых ворот –
Добро и зло!.. Тебя зовёт
Огонь – твой брат, как ты, велик.

Он память прошлого изгрыз,
Он будущее пепелит...
Но отзовись – и загорись!
С крутого Храма – бросься вниз!

Ты знаешь, как, услышав «нет»,
В поток бросаются с моста, –
И бездна заслоняет свет
И разевает пасть, пуста?

О, не раздумывай! Ты – мост
От грусти птиц до дальних звёзд!..

Но цепь сознания не порви,
Сновидец, не устань смотреть, –
О ты, лишаящий любви,
Ты, обрекающий на смерть!..

1978

Театр

Как секунды очерствели!
Пусть раздвинутся в веселье
Рукоплещущей волной –
Мне тебя сыграть дано!

Мы пришли сюда из рая,
Отражаясь и играя,
И шуршит безумья шёлк:
Кто искал – и не нашёл?

Взвейся, занавес шуршащий,
На миру погибель слаще,
Мы из рая – и назад...
Отразись в моих глазах!

Как молчим непоправимо!
Мяли травы Херувимы,
Умирая день за днём:
Ближе, ближе... Соскользнём...

На Фавор спеши подняться,
Чтобы с Вечностью обняться,
Воскресать и умирать,
Отражаться и играть!

Как столетья ни громоздки,
Но они легки – подмости
Человеческих зеркал...
Кто нашёл – и не искал?..

1978

«У книг в многоцветном и вольном плену...»

У книг в многоцветном и вольном плену,
Почувствовав сумрак и сырость,
Ты встал – и в оконную тьму заглянул,
Но будущее не открылось:

Страх тихо стекал по стеклу, словно клей,
Судьбы заполняя бездонность,
Но множество книг отразилось в стекле,
И дождь заслонив, и бездомность.

1978

«Не Кёльна зубцы, не мечети Алеппо...»

Не Кёльна зубцы, не мечети Алеппо,
Не солнца колонны, где Данте скорбел,
Но город – кусок ноздреватого хлеба,
Ты – люлька, надгробье, опять – колыбель...

Не в силах исчезнуть и сбыться не в силах,
Твой мир барабанный и громок, и пуст –
Так ведьма тебя на костях замесила,
И вжился январь в перемолотый хруст.

Ты рухнул – как лист на попранье колёсам,
Грядущее время успевший проспять.
...Проходим вдвоём по мостам безголосым.
Ты жив только нами, поющими вспять.

1978

Перед войной

Ловила скитальцев далёкая Вена
Стремглавьем небес – наподобье сачка.
Порхал мотылёк, по-дневному надменный, –
Подвижная точка над «і» стебелька.

И самые чуткие слышали: сумрак
Густел, как Иисус ни старался Навин.
...И молча глядели в бассейнах и Луврах
Печальные антики с телом живым.

1978

«В безродный ум, закрытый наглухо...»

В безродный ум, закрытый наглухо,
С попутным воздухом, нечаянно,
Ворвутся луговые запахи –
И память отомкнут начальную,

И детство шаткое раздвинется,
И век слепой, и пост коричневый,
И строй тревожных башен Вильнюса,
И смерть, сырая и фабричная.

И звёзд смешенье. И рождение
В стране, где яшень – словно заговор.
Мысль умерла. И только тень её
Древесными цветёт зигзагами.

Себе я выберу в товарищи
Во тьму вещающего Одина –
И пряный запах, раскрывающий
Безмерный мир, в порыве пройденный.

1978

«Сложившись вдвое, птицы падали...»

Сложившись вдвое, птицы падали,
Теряя слух, теряя вес,
В твою расколотую надвое
Тарелку свадебных небес.

Мой взгляд следил крушений крошево,
Набеги океанских орд
На город чёрный, властно брошенный
Ветрами смут на смертный одр.

Морской народ, звеня колючками,
С червонных чащ сдирал кору.
С далеких звёзд сходили лучники –
Двенадцать братьев на пиру.

1978

Перед резнёй

Что же нас тянет остаться в Стамбуле? –
Розовый куст призывной.
Это звезда, недоступная пуле,
Взглядом следит за мной.

Что окликает нас чаще и чаще? –
Разве глухая сирень.
Это монах, в наши души смотрящий,
Не вставая с колен.

Только жасмин сновиденьем продлится...
Что не даёт уцелеть? –
Это к тебе обращённые лица
Горьких прожитых лет.

1978

Гёльдерлин

Молчанье высокое в будничном шуме...
– Кто там? Это ты, Гёльдерлин?
Вместивший и солнце, и сумрак безумья,
Как сутки – вовек неделим?

Зачем твои руки болезненно сжаты,
Как руды – горами тоски?
Зачем ты опять отвернулся от брата,
Зачем тебе звери близки?

– Тропой, где проходят лишь ночи и вепри,
Я нёс на подъёме крутом
Из вашего времени пригоршню пепла,
И небо не знало о том...

1978

«Мы пришли расставанье измерить...»

Мы пришли расставанье измерить
Эхолотом беззвучного плача.
Мы закончим, что Иов начал,
Перестав удивляться и верить, –

Как его соседские дети
Не узнали, друзья – забыли,
Как устал он просить о смерти –
И просил о пригоршне пыли,
Пустотой ночной осенён...

И смеялся над ним Орион.

1978

«В широкой лодке перевозчик мёртвых...»

В широкой лодке перевозчик мёртвых
Везёт сегодня одного меня,
И жёлтый берег в шестигранных сотах
Прошедшим пахнет, сладостью маня.

Ужели, тело, ты – ладья Харона,
И грустный ум плывёт не первый год
Вдоль берегов всемирного урона,
В блаженной смерти одинок и горд,

И все, кого я ненадолго встретил,
Игрой тумана были на воде,
И шепчет старец: «Нам не нужен третий,
Мы и вдвоём – повсюду и нигде...»

1978

Мифы Из цикла

[1] Нарцисс

Как тот цветок и отраженье страсти
В невозмутимом озере зрачка...
Как свет, упавший в зеркало с обрыва,
Своё лицо в воде разъял на части, –

Так мудрецы, державы и века
Запомнили безумца взгляд счастливый,
И трепет в предвкушенье высшей власти,
И гордую улыбку Двойника!..

1978

[2] Фаэтон

...Всё закружится внезапно,
И ускорят кони шаг,
И покатится на Запад
Опалённая душа.

Но всеведенья свобода
В ней, как море, поднялась –
Как дыханье небосвода
У твоих огромных глаз...

1978

[3] Гиацинт

...Гремящим ударом диска
Созвездья сдвинуты с мест,
И небо чрезмерно близко –
В осколках лежит окрест.

И я, истекая кровью,
Склоняясь душой к ручью,
Невиданной, нежной новью
Из крови своей встаю...

.....

...Я умолчанием влеком,
Невысказанной вестью,
Мой рост сокрытым языком
Приветствуют созвездья.

До нашей встречи, Аполлон,
Во времени бездомном
Я замутнённым был стеклом
И сомкнутым бутоном.

И я молил тебя: «Согрей!» –
И вокруг луча обвился,
А ты учил меня игре,
Чей строй превыше смысла,

И ты глядел с пустых высот,
Мой обрывая выдох, –
Так смотрят пчёлы, чуя сок
В цветах полураскрытых...

.....

...Зачем рыдаешь ночью поздней,
Мешая травам задремать?
Я умудрен беседой звёздной.
Я – стебель. Венчик. Аромат.

Я не в тоске и не в обиде:
Зачем целуешь бедный прах?
Утешься, брат, мой лик увидя
В ночных журчащих зеркалах.

Ты разыграл судьбу по нотам,
Ты мне любовь, ликуя, дал,
И в ней путём к иным высотам
Был диска гибельный удар...

1979

[4] Девкалион и Пирра

...Мой разум умирал, но страх ладью
Владел – и вёл её, вместо меня.
Мы белизной занявшегося дня
Одни омылись: нас дышало – двое.
В надменности безжизненного мира
Кротчайшие остались – я и Пирра.

Но голос крикнул: «Более не плавай!» –
И жилистая синяя рука,
Подставив под ладью Парнас двуглавый,
Держала нас.

Седого двойника
Я в зеркале волны узрел. И холод
Пробрал меня: доселе был я молод...

Но загудел могучий рог Тритона –
И спало море, гору обнажив.
Молчанье. Ни движения, ни стога.
Мы огляделись – может, кто-то жив?!
Но нет!.. И в отсыревший храм Фемиды
Вошли мы, задыхаясь от обиды:
– Увы, богиня! Род наш уничтожен!..
Я дряхлым стал от взглядов страшных рыб,
И мы уже детей родить не сможем!..

Но – Голос: «Если б, головы покрыв,
Вы на одеждах пояс распустили
И стали б кости матери за спины
Бросать, ваш род продлился бы...»

В сомненье
стояли мы: как мёртвых вынимать
Из гроба?..
И собрали мы каменья,
Как кости той, что всем живущим – мать.
Из них восстали юноши – за мною,
А женщины – у Пирры за спиною...

Мы их творили – голову покрыв
И пояс распустив:
с тех пор – в затменье
Их ум!
И ни единый их порыв –
Не сдержан!
И сердца у них – каменья!..

И если смыт потопом прежний род,
То этот род – какая кара ждёт?!.

1985

[5] Аполлон и Дафна

– Я, я влагаю песнопенье
В прилив морей и в смертных губы!..

А ей-то что, грозе оленей,
Охотнице простой и грубой?..

– Я, я повелеваю светом,
Мной – полдень чуден и слепящ!..
А ей-то яркий свет неведом
В дремучем полумраке чащ...

Она желанна и красива,
Пока мелькает впереди,
Но в обжигающем порыве –
Ты только лавр прижмёшь к груди!..

[6] Миниады

Голос назрел виноградный – и каждый склонился
И побежал на палящий и ливневый бубен...
Только три девы не верят в призыв Диониса,
Дочери Миния ткут плотно своих будней.

Сёстры, настигнуты страстью свирели и систра,
Над челноком и над нитью склоняются низко –
Только вдруг съёжились руки, тончают когтисто,
И не слетает с их губ ничего, кроме писка...

Слух свой надменный от флейты закрыв, от тимпана,
Ставя себя всех поющих и пляшущих выше, –
Дочери Миния в ночь безрассветную впали,
Дочери Миния ныне –
летучие мыши!..

1986

«Сладко солнце видящему солнце...»

Сладко солнце видящему солнце,
Божий облик в проходящих сладок
Видящему лица. Так пасётся
Стадо, и пастух блистает в латах.

Души расходящихся селений,
Судеб сонм – невидимой капеллой,
И к небесной грозовой сирени –
Ум вознёсся, словно замок белый.

Но замри над плоскими горами:
Ведь одно у горного горниста
На уме – чтобы в тебе взыграли
Краски, как вино в крови гористой!

1978

Сильфиды

С овцами, как при Лаване,
Утром гуляет облако,
И не поймёт никак
Мальчик: зачем подолгу
Скрываются те создания,
Что длят плодов созревание
В бесплотных и крепких руках?

Вроде бы – спрятаться негде,
Пусто, деревьев мало,
А за небесной твердью
Скрываться им не пристало, –

Ведь на одних Сильфидах,
На их бытии высоком,
Явленной жизни круг
Держится – вдох и выдох,
И наливаются соком
Яблоки на ветру.

Вдруг – откровенье, оклик!
После сомнений долгих
Он на призыв идёт:
Там, во дворце высоком,
Воздух подобен сотам,
Зренья густеет мёд...

1978

«...Ещё живём. Ещё таим подробность...»

...Ещё живём. Ещё таим подробность –
Песчинку мига – от морской волны,
В которой все нежившие равны.
Ещё бежим от родины в безродность.

...Ты помнишь, как на набережной той
Переходили вещи в отраженья
И наши лица чувствовали жженье
Души миров, как солнце, золотой?

Тогда, взлетев, оттаяли слова
И закружились над слепящей гладью...
Того божественного полдня ради –
Завесы снов со смерти не срывай.

1978

Выздоровление

Смычок своих снов к весне приложив,
До клёкота тронув струны, –
О, доктор-облако! Он ведь жив
И петь расположен очень –
Твой друг безнадёжный, юный –
О, доктор-облако! Он ведь жив
В конце коридора ночи!..

Солёной, звонкой, упавшей на жесть
Души, оттаявшей тайно
Слезой – он высказался! Ровно в шесть
Утра – запела окраина:

В больнице заняты все места,
Он жив – зеленеющим свитком листа!..

Зарю откройте – широкий свет,
Сорвав со зрачков занавески!
С высокой кафедры – дайте листве
Бессмертья выкрикнуть вести!

И пляшут столетья по крышам: он жив!
Он смотрит! Иначе – к чему же
Семнадцати тысяч миров лейтмотив
С двухсложным свеченьем жемчужин?..

1978

Очередь

Старушечий век. Непослушные руки.
И тише. И всё неразборчивей лица.
И день, как тоскливая очередь, длится.
Терпи да изменницу-юность баюкай.

Ни свата, ни брата. И кто похоронит?..
Погожий денёк выдаётся так редко:
Опустится голубь. Заглянет соседка.
И ангел с иконы хоть слово обронит.

1978

Больничный сад

Тоской и холодами воспитанье,
А жизнь поёт вдали...
Бездумно-чистый воздух госпитальный,
Печали утоли.
Немые взгляды и детей, и взрослых –
Незаданный вопрос:
С больным терпеньем перешедший в воздух,
Он судьбы перерос.

И только ты остался ненадолго
В очерченной тени.
Слепой сосны стерильные иголки
Твои пронзили дни.

Но если будет непосильна ноша,
И мир не по тебе,
Опять глаза закроешь – и очнёшься
В саду немых скорбей...

1978

В концертном зале

Не одно ли нам плещет солнце,
Не одни ли ветви нагие,
Не один ли нам воздух клянётся
Во взаимности – до могилы?

Для чего же молчать, скрываться
В зале выплесков, бурь, агоний?
Всё равно ополчение вальса
Обезумит, помчит, догонит!

О, взгляни, отзовись, откройся,
Как волна – до жемчужной глубины,
Как живут красотой морозы,
Как пожар, пожирая, любит...

1978

На льду

Среди толпы несметной
Снежинок и людей –
Живи с душой бессмертной
В ликующей беде.

В кругу деревьев спящих –
О, как бессонно мне
Среди аллей погасших,
Но светлых при луне,
Чей луч немой и вечный
На сотни лиц дробим, –
В стране, где первый встречный,
Как первый снег, любим,

Где горький плач и шалость
Сошлись – играть в снежки,
Где все века смешались
В огнях Москвы-реки...

1978

Церковь Мартына Исповедника

Карающий Ангел по нашим делам
Страну холодов посетил –
И бьётся огромный, темнеющий храм
В раскинутой снежной сети.

И стужа, и множество лестниц внутри,
И можно взобраться туда,
Где в лики, и клиросы, и алтари
Забилась всех зим холода.

Здесь – царство Плутона, хранилище книг,
Забытых идей и имён,
И разум, едва в этот сумрак проник, –
Как в детстве, теряется в нём...

Томами морозной мечты увлечён,
Свистит полумрак всё шальней,
И вдруг исполинский апостол ключом
В блестящей взмахнёт вышине, –

И заново тихо. И чутко-темно.
И слухом смятенным хранишь,
Что в храме распалось Бессмертье одно
На тысячи полок и ниш.

Но дышит, пульсируя дрожью во всём,
И возле розетки лепной –
В предсердии, в уличном свете косом –
Спускается небом в окно...

1978

Монолог

...Вы всё молчите, но молчанье это
Мне тяжело и как-то непривычно...
Вы не забыли – чёрный на рассвете
И золотой под вечер, черепичный,
Спокойный город – безмятежный Рим,
Погибший в полночь от землетрясения?

Забыли?.. Ну – тогда поговорим
Об улице, блуждавшей в тьме весенней,
Как мальчик меж сиреневых кустов:
Бывало, не успеешь миновать
Одну весну – за нею сразу сто...

Вы знаете? Над улицею той
Отяготел сухой, сгущённый холод,
И некому её отогреть –
Уж тридцать лет над ней стоит зима...

Как, Вы её не помните?.. А двор
В зелёных птицах и знакомых лицах
Старух, прохожих, столбиков, камней,
Где пели – словно первый раз на свете,
И наряжали к свадьбе жениха?

Молчите?.. А старинный, ветхий дом –
Скрипели двери, времена нищали,
Жильцы, старея и сходя с ума,
Вас яблочным вареньем угощали,
И запах длился, как крадётся тьма?..

Что ж – Ваша память отрясла их прах
От ног своих, спешащих к забвению?..
Но комнату в разбитых зеркалах
Вы помните? Любимую свою

У белого окна, в последний час?
Как в этот миг она была всё та же,
И как она за всё прощала Вас,
И ласково твердила имя Ваше?..

Нет, вижу я – Вы потеряли всё:
Её, себя... И всё же пред осколком
Зеркальным – в той же комнате, сквозь сон,
Стоите Вы... И простоите долго...

Но дом, и двор, и город золотой
Внезапно потеряли отношенье
К тому лицу... К душе погибшей той...
Как в тёмных водах – гасни, отраженье!..

1979

Скворец

Под крышей, где в лунный торец
Сосны упирается хрящик,
Последний великий мудрец,
Последний скворец говорящий

Живёт и не знает невзгод,
Смеётся над городом старым
И целую ночь напролёт
Свистит нерасставшимся парам.

– К тебе бы дорогу найти,
С тобой подружиться, насмешник!
– Ну что ж, разбегись и взлети
Над садом в цветущих черешнях!

– А если не в силах летать
Мой разум, упрямый и косный?
– О чём же тогда нам болтать?
Не сбудется наше знакомство.

И вот уже наперерез
Бежит обезумевший ветер. –
Последний великий мудрец
В любви отказал и привете...

1979

Йорик

Да, что уж говорить – прошло то время,
Когда на пир великого безумья
Сходились хвастуны и короли,
И сам Шекспир играл для них на дудке...
Настал последний, непробудный век.
И как ты в колокол всемирных взрывов
Ни бей – тебе его не разбудить...

Майданек, полный Гамлетов. На всех –
Один безмолвствующий отчий призрак,
Идущий вспять у будущего с краю
И всех к себе влекущий...

...И они
В своём падении неразличимы...

Один из них, кто пишет эти строки,
Глядит в пустой прищур могильной ямы,
Как нищий сфинкс, обритый наголо. –

И со своею головой играет.

1979

Объяснение

Как дворам, по-будничному праздным,
Разгадать в столетии литом,
Что любил тебя всегда, но сразу
Не сказал... Что столько лет потом

Говорил с тобою – не словами,
Но прерывистым дыханьем звёзд,
Но бушующими деревьями
В откровенные прорывы гроз,

Что зимою – зябликом случайным
Я стучался в мёрзлое окно...

Да и то, что кажется молчаньем,
Было правдой до краёв полно.

1979

Мухаммед

...Архангел говорил: «Читай!»
А он в ответ: «Я не учился
Срывать с небесного щита
Созвездий медленные числа.

Я знал: бегущий свиток лет
С той вязью встреч на белых вёснах
Написан лишь затем, что вслед
Единственный читатель послан.

Я знал: для одного меня
Вся каллиграфия печалей
На обороте Книги Дня
Луны выводится лучами.

Не бойся – я пойму и так:
Ведь на скрещенье вен трепещет
Велений Божьих каждый знак.
Вскрой полумесяцем – захлещет!»

1979

Скорая помощь

Глубокой ночью – свет в одном окне.
В нём – трое: в нём – больная, врач и фельдшер.
Кружится звон. Больной всё хуже. К ней
В порыве тёмном потянулись вещи.

Врач думает: «В одну из тех ночей,
Когда душа сильна сиротской жаждой
И в снисхождение этот мир ничей
Тебе подарен, я здесь был однажды...»

Она была тогда совсем иной,
Она теперь, наверное, не вспомнит,
Как время, повернувшись к нам спиной,
Ушло в одну из близлежащих комнат...»

А фельдшеру – семнадцать. Как во сне
Его приводит женщина в смущенье,
Но он бы так по-детски не краснел,
Когда б не врач, не это освещение

Тревожное, не голос тайных снов
С весьма похожей, жаркой обстановкой, –
И если б не вошёл под этот кров
Четвёртый, в чьём присутствии – неловко...

1979

Полночь

На лесных, на темнеющих тропах
Я искал тебя в тайном июле,
В золотых и загадочных строфах
Тех поэтов, чьи судьбы минули,

На дорогах бездумья и неги,
Одиночества и забытья, –
С той минуты, как дали мне некий
Облик. В вечность отверстые веки.
С той поры, как себе я судья.

Там, где ночь пробуждает немая
Полустанков печальных сердца,
Где не спят, за тебя принимая
Закономную ветку, скворца, –

Я искал тебя в каждом проулке,
В тех, кто за полночь сходит с перрона,
Кто не встретил на свете родных, –
В их шагах, неуверенно-гулких,
В их горчайшем дыханье неровном,
В блеске звёзд, исходящем от них.

Я искал... Ты всё ближе и ближе,
Соловьиный разносится свист.
Вижу кроны. Созвездия вижу.
На последнем пути – отзовись!

1979

Нищий-двойник

...О господин! Когда великий мрак
Падёт на эту землю безвозвратно,
Последним светом в чёрных зеркалах
Я отражу тебя тысячекратно.

Я стану песни отзвуком твоей,
Ответом средь всемирного молчанья,
Твоим воспоминаньем... О – поверь,
Поверь, что наша встреча неслучайна!

И ради тысяч непостижных лет,
Где мы неотличимы друг от друга,
Подай на бедность – и смотри мне вслед,
Пока следы на льду не слижет выюга.

1979

Ангел

О возросший над самой крышей
Мой космический черенок,
Под которым созвездья рыщут
Городские, сбивая с ног,

О юродивый, о тишайший,
Протянувший десятки рук
Над несбыточной жизнью нашей,
Над большим фонарём разлук...

Беспечальный! В тебе не того ли
Слабоумного мальчика дух,
Что не знал ни тоски, ни боли
И ловил огоньки на льду?

Помню – вскладчину хоронили
Мы всем домом тебя год назад...

Не пустили. Не дали крылья.
Только долгий зелёный взгляд.

1979

Ты и я

Ты – источник времён и странствий.
Излученье. Ученье. Суть.
Я – вместилище слова, страсти.
Я – всемирной судьбы сосуд.

Как трепещет, горит пылинка
В безмятежном, крутом луче,
Так во мне Вифлеем и Треблинка
Вопрошают:
– О чей ты? Чей?..

– Отраженье. Рожденье Лица.
Изначальной печали ручей.

1979

«Воды, как воздух, легки...»

Воды, как воздух, легки,
Прозрачны морские глубины:
Рыба подобна стеклу,
Ракушка – дальней звезде.

Всё, что запомнил, покинь.
Весь мир – словно выдох единый,
Где, открывая твой слух,
Сокол над полем блестел...

1979

Отелло

О город – лейтмотив
Крушения любви,
Где, ноги промочив
По щиколку в крови,

Я тенью прохожу
По площади немой,
И, не смолчав, дрожу
На звёзд вопрос прямой!..

Венеция! Я сном,
Ошибкой завлечён
В твой бесприютный дом,
Как сокрушённый чёлн.

Я только синь и хлеб
Хотел найти в тебе,
Но стал узлом судеб
В хрупчайшей той судьбе...

Во тьме велик душой,
А днём неуловим, –
О, сколько я, чужой,
Свершил, чтоб стать твоим!

Рукою чёрной – в явь
Из всех тянулся снов...
Но ты себе оставь
Кровавый мой улов!

1979

Школа

Я много раз пытался стать другим,
И всё ж не одолел себя ни в чём.
Но дерево – великое, как гимн, –
Зарю склоняло над моим плечом.

Оно учило скорби и хвале,
Как дирижёр, покачивалась ветвь.
И я ни в чём себя не одолел –
Но в лучшей школе научился петь.

И с изумленьем вижу: я пою,
Меня встречает облака поклон,
Как грешника прощённого – в раю,
Над целым государством грозных крон!..

1979

Сын Ивана Грозного

Тоска возвышалась над ним, словно город,
Пехотою слуха осаждена
И конницей зренья штурмуема.

Но выкрик жезла был, как молния, короток –
И новая жизнь налегла, ледяная,
И больше слова ни к чему ему.

Так смерть подошла – ледяною Москвою,
Огромными башнями будущих эр,
Висящими вслух над соборами, –

Москвой, на столетья прохваченной хворью –
Насквозь. Как отцовский тот, пепельно-серый,
Взгляд, что водой голубой ему
Струился сыздетства...

Но голос сожжён до конца,
Наследное выбрав имя
В том теле: он тёзка безумца-отца,
И в смерти безумен не менее...

1979

Строфы в забыты

Небо спустилось в сожжённый дом,
Точно ища потерю.
Разум-слепец горьким стыдом
Вспять по остывшему пеплу ведом,
Полный тоски и неверья.

– Всё позабыто, кроме тебя,
Твой только голос помню.
Смерть высылает конвой, торопя,
Сыплется грусти январской крупа,
Беженцев движутся сонмы...

Слышу замолкнувший голос твой,
Вижу большие крылья:
Выкрики ветра, звон лиственной...
Где-то тоска зарастает травой,
Луч золотится пылью...

1979

Добро и зло

...Безумно красочный, и всё же
Такой привычный день земной...
Как это всё похоже, Боже,
На дождь грибной, на сон цветной!

Всю нашу жизнь, в частях и в целом,
Нарисовал ребёнок мелом
На солнцем залитой стене. –
И на рисунок, между делом,
Упало несколько теней...

1979

Из окна

Тот же старый тихий двор...
Но какою скорбью дышат
Ветви в летней темноте...
И насколько небо выше,
Повзрослевшее с тех пор...

Да и жители – не те,
Да и где ж они – в потёмках,
В шебуршенье веток тонких,
В небытие обид и ссор?..

...Как судьба, на крыльях ломких
Мотылёк в окно влетел...

1979

Письмо

На свете грустно. Этот выбор поздний
Дарю тебе, как сорванный цветок.
Земля и небо предаются розни,
Как наслажденью. Есть ли где серьёзней
Всемирной философии итог?

Мне кажется, мы час от часу ближе –
Полслова не сказавшие за жизнь,
Накрытые во сне листвою рыжей...
Вот, я дарю тебе печаль – возьми же,
Зачем звездой предутренней дрожишь?..

1979

«...Во тьме всемирного испуга...»

Е. С.

...Во тьме всемирного испуга,
В наш век кичливый и больной –
О, что мы примем друг от друга
Под Сулеймановой луной? –

Тоску Лейлы. И свет Меджнуна.
Начало зренья. Тайну тайн.
...А землю в адские кануны
Знакомит с небом «Эйр Лайн»...

1979

Эль Греко

Над городом – покров столетья сизый,
Дымится миг под конскою подковой,
А небо низошло – и смотрит снизу
Глазами обнажённого святого.
И, кроме ветра, нет иного крова.

А всадник в грозовом просторе тонет –
Ещё не понял, но уже задумчив,
Лучом любви из будущего тронут.
И в этом веке он – один из лучших.
На панцире его играет лучик.

Печален конь, во взоре отражая
Свинцовые пейзажи Освенцима,
И чёрный воздух полон слёзной влаги.
А всадник остриё красивой шпаги
Рассматривает, про себя решая,
Возможны ли беседы со святыми...

1979

«В песчаном подсознание роясь...»

В песчаном подсознание роясь,
Пластов земных взрывая повесть,
Мы вспоминали неспроста,
Что жизни знак – летящий поезд,
А вслед за нею – пустота.

Мы знали умирание речи,
Мы знали дрожь последней встречи
С любимым, что не любит нас,
Нам лапы жизнь клала на плечи
С холодным блеском львиных глаз,

И гневных гор горчили глыбы...
О, видеть Ангелов! Они бы
На райских пели нам пирах...

Но мы опять снимали нимбы –
И шли, как нищие, во мрак.

1979

«Я – живой, но и осень – живая...»

Я – живой, но и осень – живая:
Кто кого из нас переживёт?
Дни всё новые в круг зазывая,
Водит прошлое свой хоровод.

Ни листа, ни зелёного неба
Не осталось. На тучах – печать
Отчуждения и сна. И не мне бы
За скудеющий свет отвечать...

1979

Братьям

Небом вспененным одеты,
Безутешные, как дети, –
Сумасшедшие поэты
Сумасшедшего столетья!

Песнопевцы вен бурлящих,
Вскрытой страсти водопадов,
Меж ветвей телесной чащи
Густолистных – смерть не спрятав,

Как богов, разбив каноны
Ради тайны непостижной, –
Убегаете...

За вами –
Века злобного погоня,
Ваши лица – дальше, тише:

Мрак. Не передать словами...

1979

Возвращенье домой

Хвойный вечер утешенья и защиты,
Небо душу облекло – огромный плед,
Деревянная калитка в сад сокрытый,
Жизнь трепещет, как в листве фонарный свет.

Вот я снова здесь. Я возвращаю Слово,
В детстве сумеречном взятое в залог.
Слышу, как в другой стране рыдают вдовы,
Как, смеясь, растёт в дверях чертополох.

Я хотел в столетье этом не собою,
Но несчётными рожденьями прожить.
Ночь трясло. Шатало землю с перепую.
А сейчас цветок спросонья чуть дрожит.

Я бывал в смешенье судеб сразу всеми –
И в отчаянье спасенье узнавал,
Был прологом и узлом в земной поэме,
Открывал страстей всемирный карнавал.

Не чуждаясь унижения и славы,
Я в соборе и в ночлежном доме пел,
Босиком прошёл весь этот век кровавый
И от казни уберечься не успел.

Вот я снова здесь. Я возвращаю Слово –
В детстве явленную тихую любовь.
Погляди, Учитель мой белоголовый:
Даль созвездий – это свет моих следов.

1979

«Там, над Летой, – ветряная мельница...»

Там, над Летой, – ветряная мельница:
Это время медленно и страстно
Перемалывает в пыль пространство,
В россыпь звёзд. – А ввысь на крыльях ленился

Вознестись. Оно стоит на месте,
И, вращая ливнями и лунами,
Хочет душу размолоть в возмездье
За беседы с птицами безумными.

Там, над Летой, ветряная ягода
В холодах созрела и повисла –
Это ум несёт желаний тяготы,
Это мысль вращает страхов числа.

Над рябиной каменной, осенней –
Звёздный ком с измятым скорбью ликом,
Что постиг духовность не по книгам –
И уже не чаёт воскресенья...

1979

Морской дух

Здравствуй, царь Соломон! Я из Моря Крови,
Где рыбы вымерли, где одни
Волны в бесплодных турнирах дни
Проводят, где сохранились, кроме
Воплей беззвучных, слогов морских, –
В медленных, скользких ларцах тоски
Жемчужин погашенные огни.

Лишь человеческой плоти лаской
Их оживишь. Я тебе принёс
Эти куски неслышанных слёз.
Можешь дарить их царице Савской
За потаённую, терпкую ночь,
Можешь для зелья их истолочь –
И настоять на прохладе рос...

Кто из потомков твоих украсит
Выдохом водных глубин свою грудь, –
Жарких столетий вытерпит жуть,
Как мореход непреклонной расы
Тирской, лишь вихря налёт миновал
И бесноватый стихает вал,
К новым невзгодам свой правит путь.

Зелья жемчужного кто отопьёт, –
Хлынет печаль в него гимном неспетым,
Океаническим, фосфорным светом
Мысли пронзив ему, словно копьём.
Мраком рождён, от людей отстранён,
Внутренним, скрытым, жемчужным огнём
Он засияет – и станет поэтом!..

1979

«Ты не смотри на строфы свысока...»

Ты не смотри на строфы свысока:
В контексте жизни каждая строка
Моих стихов звучит совсем иначе –
Та тянется, как детская рука,
К лучам звезды. А та, как ветер, плачет.
А вместе все они наверняка
Любого буквоеда озадачат.

Но ты на путь щемящий оглянись,
Где время ливнем устремлялось вниз –
И зеркала для неба создавало;
Ты отраженьем облака пленись
В одном из них – ведь как ни заливало
Край муравьиный, а льняная высь,
Двоясь в воде, покой торжествовала.

Вгляделся? – и запомнить поспеши
Соотношение тела и души,
Как мне оно в толпе стихов открылось:
Хоть мир звенящий – в хаос раскроши,
Хоть обнажённым петъ взойди на клирос, –
Что гром – зимой, что взрыва сноп – в глуши,
Тебя настигнет насмерть Божья милость!..

1979

«Тот, кто из тучи испил грозовой...»

Тот, кто из тучи испил грозовой,
Кто окунал свои руки в лаву –
Нет, не мертвец, но только живой
Богу возносит славу!

Только кто звёзды срывал, как плоды,
Кто на земле научился
Видеть на скалах веселья следы,
В лиственный лес разворачивать числа,

Кто человечество наперечёт
Знает, моря – как свои пять пальцев,
Кто зеленеющий лист рассечёт
Вдоль – в глубине созреваний скитаться,

Кто поднимался из тьмы гробовой,
Чтоб на рассвете пропеть свое «Ave» –
Тот не умрёт уже. Только живой
Богу возносит славу!

1979

«О, твой ли голос слышу я...»

О, твой ли голос слышу я
Чрез столько лет и зим?
Он в эту полночь бытия
Едва ль вообразим,

Но светит – страстный и живой –
В разорванной тиши...
О, я ли слышу голос твой
Из глубины души?

Из глубины звезды литой,
Что мечет пламя дней,
И время – шарик золотой –
Растёт, рождаясь в ней.

Из тех истерзанных глубин,
Где рай – подать рукой...
И я отныне – не один.
Но рядом – не другой.

1979

Варлаам и Иоасаф

Торговец приходит к принцу,
Смущённый его величьем,
И предлагает ларчик
С жемчужиной дорогой.

Но надо с тем примириться,
Что всё это – только притча,
А принц – как маленький мальчик
Перед Вечности грозной рекой.

Торговец приходит к принцу.
Столетия дремлют, кивая.
На улице – древность. Овцы
Бредут, и пастух поёт.

Но надо с тем примириться,
Что, вскрикнуть не успевая,
Внезапно в этом торговце
Принц себя узнаёт.

Торговец приходит к принцу
И дверь прикрывает плотно.
Виденье крутых ступеней,
Непройденных, властных вех.

Беседа до света длится.
Врывается город в окна.
Ни времени, ни спасенья:
На свете двадцатый век.

1979

«Метель осыпает несчётной казной...»

Метель осыпает несчётной казной
Базар приутихший. И сразу повеяло
Той площадью людной, с толпой ледяной,
Где головы рубят за веру, –

Жестокой, глухой, корневой стариной,
Где смерть, словно ветер, проглотишь,
Где жизни крылатой, где жизни иной
Завистливый зреет зародыш.

И кто же раскусит столетья спустя,
Что казни подобны аккордам
И баховской мессы бессмертный костяк
Окреп в этом воздухе твёрдом?..

1979

Исповедь

Я в город вхожу. Я в предсмертные, в первые крики,
Дрожа, окунаюсь – в густом многолюдье окон,
На лестничных клетках – и в клетках грудных, где великий
Вращатель созвездий пирует веков испокон.

Я в город спускаюсь. Реки разноцветные блики
Меня леденят. И в воде вразумляющей той
Меж вечных домов словно ветер проносится дикий –
Бездомные судьбы с цыганской своей пестротой.

Я строю дыханье – я вникнуть едва успеваю
В прохожего речь, и обрывком величья она
Доносится следом. Я каждым отдельно бываю.
Заслуги деревьев на мне – и умерших вина.

А возрастов смена – тиха, как звоночек трамвая,
А старость колдует, к секундам сводя времена,
И Лестница Иакова, Млеющий Путь задевая,
В бушующий город безвыходно вкоренена.

Война разразилась – и снова сменяется пеньем,
А зори над жизнью мелькают, подобно ножу,
И души идут в темноте по гранитным ступеням.
...Я в город спускаюсь. – Я к небу в слезах восхожу.

1979

Оборотень

Над крышами дрожит нагое тело ночи,
И падает роса.
Ко мне знакомый грустный оборотень хочет
Зайти на полчаса.

Спросонья воробьи цветут, листва щебечет,
Влюбляется трава.
А если так, то мы сейчас на эту встречу
Имеем все права.

– Ну заходите, что ж. Какие нынче вести?
(Сквозь Вас – луна в саду.)
– Вы – к старости и снам. А я впадаю в детство,
Навстречу Вам иду.

И всё ж беседа нам полезна. В ней, быть может,
Мы время уточним.
– Он говорит, блестя воздушной, звёздной кожей,
И виден дождь за ним.

– Скажите, дорогой: в ночах сырых и зябких,
У чёрта на пирах,
Кто кличет нас во тьме? Кто тянет племя яблок
Срываться в скользкий мрак?

Они летят с ветвей – до одури послушны,
Но в воздухе вопят,
И, подражая им, спадают с неба души,
И длится звездопад...

Ещё хочу спросить: среди галактик мёртвых –
Звезда минувших эр
Умеет ли, как встарь, держаться взглядов твёрдых,
Туманностям в пример?

Ещё один вопрос меня сомненьем мучит –
Насчёт природных льгот:
Скажите мне – судьба или счастливый случай,
Что лето – каждый год?..

...Гляжу – а между тем мой гость уже растаял,
И двери – на засов...
А впрочем, где же я? Ведь комната – пустая...
– Будильник. Шесть часов.

1979

Осенний сонет

Вбирая прелый запах желудёвый,
Сжимается латунная река,
И луч – как умирающей рука
Навстречу близким позабытым: «Кто вы?»

А День и Ночь старинную свою
Вражду забыли, перешли от злости
К игре осенней. И бросают кости,
И выпадает жребий забытью.

А кот заснул, по-зимнему усат,
И в воздухе тревожно-колокольном
Повисли слоги: сновидений нет.

Крадётся мрак вдоль изгороди в сад,
Крадётся Смерть к Любви путём окольным –
И ждёт, чтоб в доме погасили свет.

1979

Адам

...Но это зрение было выше сил.
Оно померкло. И в слепом испуге
Я, задыхаясь, кожей ощутил
Два поцелуя – Смерти и Подруги.

И вот я сам запретным стал плодом –
И понял, что живу помимо воли,
Что мною реки скованы, как льдом,
И птицы с неба падают от боли.

И мне осталось лишь себя сорвать
С ветвей судьбы, чтоб не искать спасенья,
И уцелевшим светом согревать
Подругу в неприютности осенней...

1979

«Осенний небосвод с твоих спадает плеч...»

Осенний небосвод с твоих спадает плеч,
Как плащ, поскольку ты – далёкий и нездешний.
Лишь музыку извлечь из камня – и прилечь
На поле, сквозняком накрывшись, как одеждой.

Нездешний. Соскользнёт бесшумная заря
На города с твоей задумчивости дальней,
Нескромных не коря, забывших не зовя,
Лишь намекая им на позднее свиданье.

И люди, как на хлеб, в дымящуюся тишь
Сиротами глядят. С них многословьем праздным
Спадают имена. Но ты опять молчишь
В рассеянности слёз. И ни один не назван.

1979

Сократ

...Сознание угасает. Напоследок
Я говорю: блажен, кто насладится
Земной печалью более меня.
Кто площади, базары городские
Страстней, чем я, прижмёт к своей груди.
Кто с отроками не прервёт беседу,
Окликнутый завистником. Кто локон
Упругий, юношеский, золотой
Не выпустит из рук под взглядом Мойры.
Кто Гению, живущему в предсердье,
Осмелится, не рабствуя, внимать.

Сознание угасает. Что же вы
Столпились, не скрывая слёз и жалоб,
У в забытии поющего огня?
В последний раз погреться? Но к чему
Мне ваши сожаленья? Вы живёте
Постольку лишь, поскольку мыслю я.

Сполохи мысли пир свой завершают.
В них догорают города, события,
Любимых лица, недругов слова...

Асклепию, друзья, сегодня в жертву
Зарежем петуха – за исцеленье
Души – от тела, мыслей – от надежд!..

Сознание угасает. Горечь Стикса
Нахлынула, смешавшись с вашим плачем... –
И вас как не бывало!.. Да и с кем
Прощался я? В какой собрался путь
В столь поздний час? К какой олимпиаде
Мой приурочен срок? Какой народ
Дал речь взаймы бездомному сознанию?
Была она певуча иль груба?..

...А звёзды всё растут, немыслимо красивы!
И прежде, помню, я в какие-то прорывы
Их видел, и была картина не такой...
Но я от прежних мест, как видно, далеко.

1979

«И не вини, и не вмени...»

И не вини, и не вмени:
Ты понимаешь? – Целый город,
В цветенье свадеб, именин,
И каждой осенью – расколот

На боль и цвель отдельных лиц
И листьев. – Судьбы разобьются...
Откуда только вы взялись,
Завистники и правдолюбцы,

Какой составили букет
Из листьев жёлтых и лиловых,
Средь гордых дам в нарядах новых –
Кто плачет, догола раздет?

Ах, это плачет ваша жизнь,
В ров общий брошена нагая:
Над ямой мостик. – Не держись,
Уже перила пахнут гарью.

Сжигают трупы. Души жгут.
Стеклом венецианским судьбы
Царей ещё блещут минут
Пятнадцать. – Воздуха глотнуть бы

Глоток!.. Но – только чёрный дым...
И если мы явились после –
Не верь. То призрак. Мы летим
Без опоздания к ночи в гости.

Не осуди. И не вмени
Безумных слов, решений быстрых.
Мы – гарь. Мы не были людьми
С тех пор. Участьем – не томи.
Не обвиняй в бездушье – призрак!..

1979

Гостиница

...Хозяйка скоро сгонит. Говорит –
Мы ей не платим. Кто-то черноусый
В покои наши въехать норовит.
Он больше нас ей, видимо, по вкусу.

Причина, верно, в этом. Да и сроду
Ей не платил никто. Скажи – за что?
За то, что потолок – как решето?
Что по ночам хозяйка греет воду

И всех нас будит? Жалуется – мало
Ей, видишь, денег... Если б кто платил –
Она б, небось, ночами не стирала.
Ты, правда, с ней ни разу не шутил,

Да и вообще – мы держимся с ней хмуро,
Но это я исправить не берусь:
Мне если что не нравится – фигура
Иль смех претит – у каждого свой вкус, –

Я не могу, как хочешь... притворяться
И комплименты дамам расточать
Из выгоды!.. Что ж – смена декораций!
Придётся, друг мой, заново начать.

Ну что? Да ты, как вижу, нарядился –
Манишка, галстук, клетчатый жилет...
Сказать по правде, я ведь здесь родился
И прожил, худо-бедно, столько лет...

Куда же мы пойдём? Кого мы встретим?
Кто приютит в осенний холод нас?
А впрочем, я смущён вопросом этим
Напрасно. Поглядим. Всему свой час.

Пойдём себе, на дудочках играя,
Вдоль тракта и забудем путь назад.
Пусть рай не ждёт – не заслужили рая, –
Найдётся угол. Я не верю в ад.

Хозяйка нас проводит. Обернёмся –
И ну махать! А скроется из глаз –
Как думаешь: всплакнём? Иль улыбнёмся?
Ведь как-никак, а Жизнь звалась...

1979

Эпоха Тан

Деревьев, рек и гор
Стихи на светлом свитке —
И грешным не в укор,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.